

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ, СТАВШИЙ
БЕСТСЕЛЛЕРОМ В 30 СТРАНАХ МИРА

ДЕВУШКИ СИРЕНИ

МАРТА ХОЛЛ КЕЛЛИ

Азбука-бестселлер

Марта Холл Келли

Девушки сирени

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Келли М.

Девушки сирени / М. Келли — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-15540-4

«Девушки сирени» – книга о любви, стойкости и милосердии. О том, как выжить в нечеловеческих условиях и остаться человеком. Кэролайн Ферридэй, нью-йоркская светская дива, увлечена новым романом и своей работой во французском консульстве. Она еще не знает, что ей предстоит спасти сирот и жертв концлагерей. Скоро закончится беззаботная юность польки Каси Кузмерик. Рискуя жизнью, девушка будет выполнять задания подполья. Герта Оберхойзер мечтает о карьере хирурга, но в нацистской Германии эта профессия недоступна для женщин. Придется найти другое, поистине роковое применение своему таланту и знаниям. На земном шаре есть точка, где пересекутся эти жизненные пути. Она называется Равенсбрюк. Это женский концентрационный лагерь. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-15540-4

© Келли М., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	50
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Марта Холл Келли

Девушки сирени

Martha Hall Kelly

Lilac Girls

Copyright © 2016 by Martha Hall Kelly

© И. Русакова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Моему мужу, из-за которого все еще щелкает моя пудреница

Часть первая

Глава 1 Кэролайн *Сентябрь 1939 года*

Если бы я знала, что мне предстоит встреча с мужчиной, который подействует на меня, как удар костяного фарфора по терракоте, я бы поспала подольше. Но вместо этого я с утра пораньше вытащила из постели нашего флориста мистера Ситвелла и заставила его сделать бутоньерку – мой первый консульский гала-прием должен был пройти по всем правилам подобных церемоний.

На Пятой авеню я нырнула в толпу. Мимо меня проталкивались мужчины в серых фетровых шляпах, с подборками утренних газет с безобидными заголовками на первых полосах. В тот день на востоке царили тишь да гладь и ничто не предвещало перемен. Единственным зловещим знаком со стороны Европы был долетавший с Ист-ривер запах стоячей воды.

На подходе к нашему зданию на углу Пятой авеню и Сорок девятой улицы я почувствовала, что за мной из окна наверху наблюдает Рожер. Он увольнял людей и за меньшие провинности, чем опоздание на двадцать минут, а в единственный день в году, когда элита Нью-Йорка открывает свои кошельки и разыгрывает любовь к Франции, не до какой-то жалкой бутоньерки.

В лучах утреннего солнца засверкали выгравированные на угловом камне буквы: «LA MAISON FRANCAIS». Френч-билдинг, французское консульство, стояло бок о бок с Бри-тиш-Эмпайр-билдинг фасадом на Пятую авеню и было частью Рокфеллер-центра, нового комплекса Рокфеллера-младшего из известняка и гранита. В то время там располагалось много иностранных консульств, это было такое рагу международной дипломатии.

– Проходим до конца и поворачиваемся лицом к выходу, – сказал Кадди, наш лифтер.

Мистер Рокфеллер тщательно отбирал кадры на эту должность, манеры и внешность имели большое значение. Кадди был суров на вид, и, хотя в волосах у него уже появилась седина, комплекция не соответствовала возрасту.

– Сегодня у вас людно, мисс Ферридэй, – добавил Кадди, не отрывая взгляда от светящихся цифр над дверью. – Пиа сказала, пришли два корабля.

– Превосходно.

Кадди стряхнул невидимую пылинку с рукава синего форменного пиджака.

– Еще один долгий вечер?

Для самого быстрого лифта в мире наш поднимался целую вечность.

– Сегодня к пяти закончу. Вечером – гала-прием.

Я любила свою работу. Бабушка Вулси ухаживала за ранеными в битве при Геттисберге и стала родоначальницей нашей семейной традиции. Правда, моя волонтерская деятельность по организации помощи семьям при консульстве Франции не являлась работой в буквальном смысле этого слова. Любовь к Франции и всему, что с ней связано, была у меня в крови. Да, мой отец был наполовину ирландцем, но сердце его принадлежало Франции. Плюс мама унаследовала квартиру в Париже, где мы проводили каждый август, так что я чувствовала себя там как дома.

Лифт остановился. Через двери доносился нарастающий гул голосов – меня даже в дрожь бросило.

– Третий этаж, – объявил Кадди. – Консульство Франции. Будьте внимательны...

Двери открылись, и шум снаружи заглушил учтивые слова лифтера. Холл перед нашей приемной был забит до отказа – ступить некуда. В то утро в нью-йоркскую гавань прибыли два океанских лайнера «Иль-де-Франс» и «Нормандия», оба с состоятельными пассажирами на борту, которые бежали от неопределенности во Франции. Как только подали сигнал, разрешающий сходить на берег, пассажиры первого класса устремились в консульство улаживать проблемы с визами и другие малоприятные вопросы.

Я протиснулась мимо нескольких леди, одетых по последней парижской моде. Они о чем-то болтали в облаке «Арпеджио», и капельки морской воды еще блестели в их волосах. Такого рода публика привыкла иметь неподалеку официантов с хрустальными пепельницами и бокалами с шампанским. Посыльные с «Нормандии» в ярко-красных пиджаках и посыльные с «Иль-де-Франс» в черных наступали друг другу на пятки. Я вклинилась в толпу и начала пробиваться к столу секретаря в конце комнаты. Мой платок из шифона зацепился за застежку жемчугов одной из прелестниц. Пока я его высвобождала, зазвонил и остался без ответа телефон внутренней связи.

Рожер.

Я снова ринулась вперед и почувствовала, как кто-то похлопал меня по заду. Оглянувшись и увидев ослепительную улыбку какого-то мичмана, я бросила:

– Gardons nos mains pour nous-mêmes¹.

Парень в ответ поднял руку над головой и тряхнул ключами от своей каюты на «Нормандии». Ну хоть молодой, обычно мне оказывали знаки внимания кавалеры «за шестьдесят».

Наконец я добралась до стола нашего секретаря. Она была на месте – печатала, не поднимая головы.

– Bonjour, Пиа.

Кузен Рожера, парень лет восемнадцати с темными миндалевидными глазами, сидел на столе Пиа, закинув ногу на ногу. В одной руке он держал сигарету, а другой перебирал шоколадные конфеты в коробке (излюбленный завтрак Пиа). Мой бокс с «входящими» уже был забит папками.

– Vraiment?² И что же в нем доброго? – отозвалась она, так и не подняв головы.

Пиа была больше чем секретарь. Мы все совмещали обязанности. Пиа регистрировала новых клиентов и заводила на каждого папку, печатала обширную корреспонденцию Рожера и расшифровывала ежедневные потоки «морзянки», которые были живительной кровью нашего офиса.

– А почему здесь так душно? – удивилась я. – Пиа, телефон звонит.

Пиа подцепила из коробки конфету.

– Он постоянно звонит.

Кавалеры тянулись к Пиа так, будто она испускала волны, которые могли уловить только мужчины. Девушка, безусловно, была привлекательна от природы, но я подозревала, что значительная часть ее популярности обеспечивалась обтягивающими свитерами.

– Пиа, не могла бы ты сегодня взять несколько из моих дел? – спросила я.

– Рожер говорит, что я не должна вставать с этого стула. – Она выдавила наманикюренным большим пальцем земляничный крем из шоколадной оболочки конфеты. – А еще он хочет видеть тебя прямо сейчас. Но я тут подумала о женщине, которая проспала всю ночь в холле. – Пиа помахала передо мной половиной стодолларовой купюры. – И вон тот толстяк с собачками сказал, что, если примешь его первым, он отдаст тебе вторую половинку.

Пиа кивнула в сторону упитанной пожилой пары, которая сидела возле моего кабинета. Каждый держал по две таксы в серых намордниках. Как и Пиа, я тоже работала по разным

¹ Давайте не будем распускать руки (*фр.*).

² Неужели? (*фр.*)

направлениям: потребности французских семей, которые здесь, в Нью-Йорке, переживали трудные времена; руководство моим Фондом французских семей; и благотворительность – отправка посылок сиротам за океан. Я совсем недавно ушла из многолетнего бродвейского проекта, последний пункт моих обязанностей в сравнении с ним – сушие пустяки. Кофры разбирать куда сложнее.

Наш шеф, Рожер Фортье, появился в дверях своего кабинета.

– Кэролайн, зайди ко мне. Бонне отменяется.

– Рожер, не может быть. Ты шутишь?

Новость была как удар под дых. Я за несколько месяцев до приема «забронировала» Бонне как нашего основного докладчика.

– Сейчас непросто быть министром иностранных дел Франции, – буркнул через плечо Рожер, возвращаясь в кабинет.

Я зашла к себе и пролистка «Вилдекс»³ на моем столе.

Интересно, мамин друг, буддийский монах Аджан Ча, сегодня свободен?

– Кэролайн... – позвал Рожер.

Я схватила «Вилдекс» и поспешила к нему в кабинет, обойдя по пути пару с таксами, которая изо всех сил изображала страдальцев.

– Ты почему сегодня опоздала? – спросил Рожер. – Пиа уже два часа на месте.

Генеральный консул Рожер Фортье занимал угловой кабинет с видом на Рокфеллер-плаза и «Променад кафе». Зимой эту утопленную ниже тротуара площадку покрывал знаменитый каток, но летом здесь расставляли столики, между которыми сновали официанты в смокингах и фартуках до колена. За кафе «падал» на землю массивный золотой Прометей Пола Мэншипа с украденным огнем в руке. А уже за Прометеем на семьдесят этажей к синему небу выстреливал Ар-Си-Эй-билдинг. У Рожера было много общего с высеченной над входом в здание фигурой Мудрости в образе мужчины. Нахмуренные брови. Борода. Недовольный взгляд.

– Заскочила к флористу за бутоньеркой для Бонне...

– О, ради этого и пол-Франции может подождать.

Рожер вцепился зубами в пончик, и сахарная пудра посыпалась ему на бороду. Консул, несмотря на то что, как бы это помягче выразиться, был здоровяком, никогда не испытывал недостатка в женском внимании.

На столе Рожера громоздились папки с секретными документами и досье пропавших граждан Франции. Согласно «Руководству консульства Франции», в обязанности Фортье входили: «Помощь французским гражданам в Нью-Йорке в случае ограбления, серьезной болезни или ареста. Решение вопросов, касающихся метрических свидетельств, усыновления и потери документов. Организация визитов дипломатов и официальных лиц Франции. Содействие при возникновении политических проблем и стихийных бедствий». Благодаря ситуации в Европе работы хватало по всем направлениям, если приравнять Гитлера к стихийному бедствию.

– Вообще-то, меня ждут дела...

Рожер толкнул бумажную папку, и она заскользила по полированному столу для совещаний ко мне.

– У нас не просто нет спикера. Я полночи переписывал речь Бонне. Пришлось обойти тот факт, что Рузвельт не против того, чтобы Франция покупала американские самолеты.

– Французы могут покупать любые самолеты.

– Кэролайн, мы тут заняты сбором денег. Сейчас не время раздражать изоляционистов. Особенно богатых.

– Но они в любом случае не поддерживают Францию.

³ Вращающийся каталог с карточками.

– Нам не нужна плохая пресса. «Не слишком ли Штаты потакают Франции?» «Не послужит ли это еще большему сближению Германии и России?» Да я третье предложение закончить не успею, как меня перебьет какой-нибудь репортер. И мы не должны упоминать Рокфеллеров... Не хочу выслушивать по телефону Младшего. Хотя теперь, когда у нас нет Бонне, он так и так позвонит.

– Рожер, это катастрофа.

– Возможно, придется все переделать.

Фортъе провел длинными пальцами по волосам и оставил свежие борозды в брильянтине.

– Вернуть сорок тысяч долларов? А как же Фонд французских семей? Я и так на последнем издыхании. Плюс мы заплатили по десять долларов за уолдорфский салат...

– Они называют это салатом? – Рожер пролистал свои карточки с контактами, половина записей была неразборчива и перечеркнута крест-накрест. – Как пафосно... Шинкованные яблоки с сельдереем. Да еще сырые грецкие орехи...

Я терзала свой «Вилдекс» на предмет известных персон. Мы с мамой были знакомы с Джулией Марло, знаменитой актрисой, но она уехала в турне по Европе.

– Как насчет Питера Пэтаута? Мамины люди прибегали к его услугам.

– Архитектор?

– Архитектор Всемирной выставки. У них там робот семь футов в высоту.

– Скука. – Рожер похлопал по ладони серебряным канцелярским ножом.

Я пролинула карточки до буквы «Л».

– А капитан Лихьюд?

– С «Нормандии»? Ты серьезно? Ему платят за то, что он скучный.

– Рожер, ты не можешь отмахиваться от всех предложений. А Пол Родье? Если верить Бетти – все о нем только и говорят.

Рожер поджал губы – хороший знак.

– Актер? Я видел его на сцене. Неплох. Высокий и привлекательный, если тебе такие нравятся. Быстрый метаболизм, не иначе.

– По крайней мере, мы можем быть уверены в том, что он запомнит текст.

– Но он непредсказуем. И женат к тому же, так что не строй планы.

– Мужчины меня уже не интересуют.

В тридцать семь я смирилась с одиночеством.

– Не уверен, что Родье с этим согласится. Ладно, выбор за тобой, но проследи, чтобы твой спикер не отклонялся от текста. Ни Рузвельта...

– Ни Рокфеллеров... – закончила я.

В промежутках между текущими делами я обзвонила возможных в подобной ситуации кандидатов на роль спикера и была вынуждена признать, что кандидат один – Пол Родье. Он был в Нью-Йорке, играл в американском мюзикле «Улицы Парижа» в театре «Бродхерст», где феерически дебютировала Кармен Миранда.

Я позвонила в агентство Уильяма Морриса, там мне ответили, что все разузнают и перезвонят. Спустя десять минут агент месье Родье сообщил, что в этот вечер театр закрыт и, хотя у его клиента нет смокинга, он почтет за честь выступить на нашем гала-приеме и готов обсудить детали в «Уолдорфе». Я тут же помчалась переодеться в мамино черное платье от Шанель, благо наша квартира была на Восточной Пятидесятой улице, в двух шагах от «Уолдорфа».

В гостиницу я вошла, когда двухтонные бронзовые часы, как колокол Вестминстерского собора, отбивали очередные полчаса. Месье Родье я нашла в примыкающем к лобби баре ресторана «Пикок-эли». Он сидел за столиком, а гости в великолепных нарядах уже начинали подниматься в Большой банкетный зал.

– Месье Родье? – спросила я.

Рожер был прав относительно его привлекательности. Первое, что бросалось в глаза при встрече с Полом Родье, – его невероятная улыбка, но это уже после потрясения от его физической красоты.

– Не представляю, как вас отблагодарить за то, что вы так быстро откликнулись на нашу просьбу.

Родье поднялся, и сразу стало понятно, что по телосложению ему больше подходит участие не в бродвейских постановках, а в гребной регате на реке Чарльз. Он собрался поцеловать меня в щеку, но я протянула руку, и он ее пожал. Приятно было познакомиться с мужчиной моего роста.

– Всегда рад помочь.

Проблема была в его костюме: зеленые брюки, темно-лиловый пиджак спортивного кроя и, что хуже всего, черная рубашка. Только священники и фашисты носят черные рубашки. И гангстеры, конечно.

– Вы не хотите переодеться? – Я с трудом сдержалась, чтобы не пригладить его волосы, которые по длине вполне можно было стянуть в хвост резинкой. – Или побриться?

Со слов агента месье Родье я знала, что он проживает в «Уолдорфе», а значит, его бритвенный набор был в нескольких этажах над рестораном.

Пол пожал плечами:

– Я так одеваюсь.

Типичный актер. Это можно было предвидеть.

Поток гостей в направлении банкетного зала нарастал. Женщины в потрясающих платьях, мужчины во фраках и лакированных «оксфордах» или оперных лодочках из телячьей кожи.

– Это мой первый гала-прием, – призналась я. – Единственный вечер, когда консульство собирает пожертвования. В приглашениях указано: «Все мужчины – во фраках».

Налезет на него старый смокинг отца? Длина рукава подойдет, а вот в плечах точно будет тесноват.

– Мисс Ферридэй, вы всегда такая... напористая?

– Видите ли, здесь, в Нью-Йорке, индивидуальность не слишком приветствуется. – Я вручила ему скрепленные скобками листы. – Уверена, вам не терпится просмотреть текст выступления.

Родье протянул их обратно:

– Нет, благодарю.

Я снова впихнула ему текст:

– Но генеральный консул лично все это написал.

– Повторите, ради чего я в этом участвую?

– Ради вынужденных покинуть свой дом граждан Франции. И ради моего Фонда французских семей. Мы помогаем сиротам, которые потеряли родителей по множеству разных причин. Ситуация во Франции неопределенная, и для них мы – единственный постоянный источник одежды и продовольствия. Плюс ко всему сегодня на приеме будут Рокфеллеры.

Родье полистал речь.

– Я бы на их месте просто подписал чек – и никаких приемов.

– Рокфеллеры – наши самые щедрые благотворители, но, прошу, не упоминайте о них в своей речи. И о президенте Рузвельте. О самолетах, которые США продает Франции, тоже не стоит упоминать. Кое-кто из наших гостей, безусловно, любит Францию, но они предпочли бы пока не касаться вопроса войны. Консул хочет обойти все скользкие темы.

– Публика всегда чувствует, когда ходишь вокруг да около.

– Не могли бы вы просто зачитать речь, месье?

– Мисс Ферридэй, беспокойство может привести к сердечному приступу.

Я вытащила булавку из бутоньерки.

– Вот... для нашего почетного гостя.

– Muguet?⁴ – удивился Родье. – Где вы их нашли в это время года?

– В Нью-Йорке можно найти все, что угодно. Наш флорист выращивает их из семян.

Я положила ладонь на лацкан его пиджака и по самую головку воткнула булавку во французский вельвет.

Это он так пахнет или цветы? И почему американские мужчины не пахнут как ландыши? Или как тубероза?

– Вы ведь знаете, что ландыш – ядовитый цветок? – уточнил Родье.

– Тогда не ешьте его. По крайней мере, пока не закончите читать речь. Или если публика вас освистает.

Родье рассмеялся, и мне даже пришлось отступить на шаг. Такой искренний смех – редкость в светском обществе, особенно в ответ на мои шутки.

Я проводила Родье за кулисы и буквально остолбенела – эта сцена была раза в два больше любой из всех бродвейских, на которых мне приходилось выступать. Мы посмотрели в зал. Со сцены открывался вид на море столов с зажженными свечами. Люстра уолдорфского хрусталя и ее шесть спутников были притушены, и столы напоминали украшенные огнями корабли в ночи.

– Она просто огромная, – пробормотала я. – Вы справитесь?

Родье повернулся ко мне:

– Мисс Ферридэй, это моя работа.

Я побоялась, что дальнейшее общение осложнит ситуацию, поэтому оставила Родье с текстом речи в кулисах и постаралась не заикливаться на его коричневых замшевых туфлях. Надо было проверить, как Пиа рассадила гостей; схема рассадки была выверена тщательнее, чем любой план полетов люфтваффе. И да – девушка просто разбросала карточки по шести столам Рокфеллеров, так что мне пришлось разложить их в нужном порядке. После я заняла свое место между кухней и столом для почетных гостей. По трем сторонам огромного зала поднимались три яруса лож в красной драпировке, и в каждой – обеденный стол.

Все семнадцать сотен мест должны быть заняты, и, если у нас не получится, многие несчастные останутся без помощи.

Гости начали занимать свои места. Океан белых галстуков, фамильных бриллиантов и такое количество платьев с Фобур-Сент-Оноре, что можно заполнить все лучшие магазины Парижа. Одни только корсеты с легкостью покрыли бы продажи третьего квартала и «У Бердорфа», и «У Гудмана». Метрдотель в ожидании сигнала к подаче замер в стойке у моего локтя. Появилась Эльза Максвелл – сплетница, профессиональная устроительница светских приемов и непревзойденный, что называется *ne plus ultra*, мастер саморекламы.

«Она просто запомнит ужасы сегодняшнего приема или снизойдет до того, что снимет перчатки и все запишет?» – мелькнула у меня мысль.

На момент появления миссис Корнелиус Вандербильт (или как ее именовал Рожер – «Ее Милость»), со сверкающим бриллиантовым ожерельем в четыре яруса от «Картье», почти все столики были заняты. Едва зад Ее Милости вошел в контакт с подушкой кресла, а ее накидка из песка в комплекте с головой и лапами легла на спинку, я подала сигнал к началу приема. В зале приглушили свет, и Рожер вразвалку вышел на залитый светом прожекторов подиум. Его встретили аплодисментами. Я волновалась сильнее, чем в те времена, когда сама выходила на сцену.

– *Mesdames et Messieurs*, министр иностранных дел Бонне шлет свои самые искренние извинения, но он не сможет присутствовать на нашем сегодняшнем приеме.

⁴ Ландыш? (*фр.*)

Публика загудела – никто не знал, как реагировать на это сообщение.

Неужели министр рассчитывает письмом собрать пожертвования? Или по звонку в Вашингтон?

Рожер поднял руку и продолжил:

– Но перед вами выступит другой француз. Он не занимает поста в правительстве, но зато играет лучшие роли в постановках на Бродвее.

Гости начали перешептываться. Нет ничего лучше сюрприза, конечно при условии, что он приятный.

– Итак, встречайте – месье Пол Родье.

Родье не стал выходить на подиум и сразу направился в центр сцены. Что он задумал? Прожектор несколько секунд шарил по сцене в поисках героя, а Рожер тем временем успел занять место за столом для почетных гостей рядом с миссис Вандербильт. Я была неподалеку, но вне зоны удушения.

– Для меня огромное удовольствие быть здесь сегодня вечером, – заявил Родье, когда его наконец нашарил прожектор. – И мне очень жаль, что месье Бонне не смог к нам присоединиться.

Даже без микрофона его голос заполнял весь зал, а сам он буквально сверкал в свете софитов.

– Конечно, я всего лишь жалкая замена такого высокого гостя. Надеюсь, у него не возникло проблем с самолетом. А если так, уверен, что президент Рузвельт с радостью пришлет ему новый.

По залу пробежала рябь нервного смеха. Мне совсем не обязательно было смотреть на журналистов, я не сомневалась, что они уже строчат. Рожер – мастер tête-à-tête – умудрялся беседовать с миссис Вандербильт и одновременно метать в мою сторону уничтожающие взгляды.

– Правда, я не могу говорить с вами о политике, – продолжал Родье.

– Слава богу! – крикнул кто-то с дальнего от сцены столика.

Публика снова рассмеялась, но на этот раз уже громче.

– Но я могу поговорить с вами об Америке, которая не перестает меня удивлять. Это страна людей широких взглядов. Американцы принимают не только французский театр и литературу или кино и моду, но и самих французов, несмотря на все наши недостатки.

– Черт, – выругался репортер, который стоял рядом со мной.

У него сломался карандаш, и я пожертвовала ему свой.

– Каждый день я вижу, как одни люди помогают другим. Американцев вдохновляет миссис Рузвельт, которая протянула через Атлантику руку помощи французским детям. Американка мисс Кэролайн Ферридей изо дня в день помогает живущим в вашей стране французским семьям и собирает одежду для французских сирот.

Рожер и миссис Вандербильт посмотрели в мою сторону. Прожектор нашел меня возле стены, и я на секунду ослепла от знакомого света. Ее Милость захлопала, и все гости последовали ее примеру. Я приветственно махала рукой, пока луч света, к счастью быстро, не переметнулся обратно на сцену, оставив меня в холодной темноте. На самом деле я не скучала по бродвейской сцене, но ощутить кожей тепло софитов, не скрою, было приятно.

– Эта Америка не боится продавать самолеты людям, которые были рядом с ее солдатами в окопах Первой мировой. Эта Америка без страха помогает удерживать Гитлера подальше от улиц Парижа. Эта Америка, если наступят такие времена, не побоится снова встать с нами плечом к плечу...

Я смотрела на Родье и только пару раз глянула на публику в зале. Гости были увлечены и уж точно не обращали внимания на его туфли. Полчаса пролетели как миг, Родье поклонился, а я задержала дыхание. Аплодисменты зазвучали сначала тихо, но постепенно набрали силу и

загрохотали, как ливень по крыше. Эльза Максвелл осушала набежавшие на глаза слезы салфеткой отеля. А к тому моменту, когда публика встала и запела «Марсельезу», я уже была рада, что Бонне не смог присутствовать на этом мероприятии. Даже обслуживающий персонал пел, приложив ладонь к груди.

Зажгли полный свет в зале. Довольный Рожер приветствовал благотворителей, которые хлынули к столу для почетных гостей. Позже, когда прием начал сбавлять обороты, он отбыл в «Рейнбоу рум»⁵ в компании наших лучших доноров и нескольких «рокеттс»⁶ (в Нью-Йорке только на этих девиц я могла посмотреть снизу вверх).

На выходе из зала месье Родье тронул меня за плечо:

– Я знаю одно заведение на Гудзоне, там подают превосходное вино.

– Мне надо домой, – ответила я, хотя на приеме не съела ни крошки, и сразу живо представила теплый хлеб с эскарго. – Не сегодня, месье, но спасибо за приглашение.

Еще несколько минут, и я окажусь в своей холодной квартире наедине с остатками уолдорфского салата.

– Вы хотите, чтобы я после нашего триумфа ужинал в одиночестве? – удивился Родье.

А почему бы не согласиться? Люди моего круга посещают определенные рестораны, которые можно сосчитать на пальцах одной руки, и все в радиусе четырех кварталов от «Уолдорфа», но никак не рядом с Гудзоном. Чем может навредить один-единственный ужин?

Мы взяли такси до «Ле Грень» – чудесного бистро в Вестсайте. Французские океанские лайнеры поднимались по Гудзону и швартовались у Пятьдесят первой улицы, так что в этом районе, как грибы после дождя, появлялись ресторанчики и кафе, а некоторые из них стали лучшими в Нью-Йорке. «Ле Грень» размещался в мансарде бывшего дома начальника порта. Мы вышли из такси. Над нами высился лайнер «Нормандия» – палуба освещена яркими прожекторами, четыре яруса кают смотрят всеми иллюминаторами. Сварочный аппарат на носу посылал в ночное небо искры абрикосового цвета, а палубные матросы подсвечивали прожекторами борт для работающих на лесах маляров. Я чувствовала себя такой маленькой на фоне «Нормандии» с ее тремя дымовыми трубами, каждая из которых была больше любого пакгауза на пристани.

Морская соль зависла на границе, где встречались воздух Атлантики и пресный воздух Гудзона.

Столики «Ле Грень» были заняты вполне приятной публикой: в большинстве своем представителями среднего класса, включая репортеров с гала-приема, и, по виду, пассажирами океанского лайнера, которые были счастливы наконец-то ступить на земную твердь. Мы выбрали обшитую деревом кабинку, напоминающую каюту, где на счету каждый свободный дюйм. Метрдотель «Ле Грень» месье Бернар был крайне рад встрече с Родье, сообщил, что три раза ходил на «Улицы Парижа», и поделился специфичными подробностями своего опыта выступления в любительском театре Хобокена.

Потом он повернулся ко мне:

– О, мадемуазель, не вас ли я видел на сцене с мисс Хелен Хейс?

– Актриса? – улыбнулся Родье.

На близкой дистанции с такой улыбкой находиться рискованно. Французы – моя ахиллесова пята, и я не стала отшучиваться. Признаюсь, будь Ахиллес французом, я бы выхаживала его, пока у него не срослось сухожилие.

– На мой взгляд, критики были несправедливы... – продолжал месье Бернар.

– Мы закажем... – сказала я.

– Кто-то, кажется, употребил оценку «жестковата»...

⁵ Ресторан на 65-м этаже Ар-Си-Эй-билдинг, открытый в 1934 г.

⁶ Нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 г.

- Месье, мы закажем эскарго. Поменьше масла, пожалуйста...
- Как же там, в «Таймс», написали про «Двенадцатую ночь»? «Мисс Ферридэй пострадала от Оливии»? На мой взгляд, резковато...
- ...без чеснока. И не переварите, чтобы не были жестковаты.
- Мадемуазель, вы желаете, чтобы они ползали по вашему столику?
- Месье Бернар записал наш заказ в блокнот и удалился в направлении кухни.
- Родье не торопясь подробно изучал в меню раздел шампанского.
- Значит, актриса? Никогда бы не подумал.
- Было в его небрежном стиле что-то привлекательное, так можно залюбоваться нуждающимся в прополке потаже⁷.
- Работа в консульстве мне нравится больше. Мама много лет знакома с Рожером, и, когда он попросил помочь, я просто не могла отказать.
- Бернар поставил на наш столик корзину с хлебом и чуть задержался, разглядывая Родье, будто пытался вспомнить, где мог его видеть.
- Надеюсь, я сегодня не помешал вашему свиданию, – сказал Родье.
- Мы одновременно потянулись за хлебом, моя рука коснулась его руки, она была мягкая и теплая. Я отдернула свою.
- У меня нет на это времени. Вы знаете Нью-Йорк, приемы и прочее. Все это жутко выматывает.
- Никогда не видел вас «У Сарди».
- Родье отломил кусок хлеба, потянулся пар.
- О, я много работаю.
- У меня такое чувство, что вы работаете не ради денег.
- Месье, это внештатная работа, жалованье не предусмотрено. Но, замечу, в приличном обществе не принято задавать такие вопросы.
- Мы можем обойтись без «месье»? Когда вы так ко мне обращаетесь, я чувствую себя стариком.
- Перейти на «ты»? Мы только познакомились.
- Сейчас тридцать девятый.
- Общество Манхэттена – как солнечная система со своим ходом планет. Одинокая женщина, ужинающая с женатым мужчиной, – достаточная причина для того, чтобы планеты сошли с орбит.
- Нас здесь никто не увидит. – Пол указал Бернару на выбранный сорт шампанского.
- Скажите об этом Эвелин Шиммерхорн, она ужинает в дальней кабинке.
- Вы расстроены? – с искренним сочувствием, так несвойственным до боли красивым мужчинам, спросил Родье.
- Возможно, эта черная рубашка все же хороший выбор.
- Эвелин не станет болтать. У нее ребенок, недоношенный, бедняжка.
- Дети. Они все усложняют, не правда ли? В жизни актера им нет места.
- Очередной эгоистичный актеришка.
- А как ваш отец заработал свое место в этой системе?
- Для первого знакомства Пол задавал слишком много вопросов.
- Именно – заработал. Он занимался мануфактурой.
- Где?
- Бернар аккуратно поставил на стол серебряное ведерко с ручками, как цыганские серьги. Изумрудное горлышко бутылки лежало на краю.
- Он был партнером Джеймса Харпера Пура.

⁷ Декоративный огород.

– Братья Пур? Я бывал в их доме в Итс-Хэмптоне. Не сказал бы, что он бедный⁸. Ты часто бываешь во Франции?

– В Париже – каждый год. Мама унаследовала квартиру... на Шаво-Лагард.

Бернар открыл бутылку – пробка не выстрелила, а тихо хлопнула – и налил золотистое шампанское в мой бокал. Пузырьки поднялись до самого края и остановились. Мастерская работа.

– У моей жены, Рины, небольшой магазинчик в этом районе. Называется «Миленькие штучки». Знаете такой?

Я отпила шампанского, пузырьки приятно зашекетали губы.

Пол вытащил из кармана фотокарточку.

Рина оказалась моложе, чем я себе представляла. Брюнетка со стрижкой под китайскую куклу. Улыбается, а глаза широко открыты, словно она хочет поделиться каким-то приятным секретом. Красивая и, похоже, моя полная противоположность. Мне показалось, что она обладает особым шиком француженок – все продумано без перебора плюс капелька небрежности.

– Нет, такой магазин мне незнаком. – Я вернула Полу фотокарточку. – Но она красивая. Я допила шампанское.

Пол пожал плечами:

– Слишком молода для меня, но... – Перед тем как убрать фото, он пару секунд разглядел его, слегка наклонив голову набок, будто впервые увидел. – Мы не часто видимся.

Меня эта фраза приятно взволновала, но я быстро успокоилась, осознав, что, даже будь Пол свободен, моя энергичная натура уничтожит на корню любой росток романтических отношений.

В кухне по плохому настроенному радио запела Эдит Пиаф.

Пол достал бутылку из ведерка и наполнил мой бокал. Пузырьки с шипением поползли через край. Я взглянула на Пола. Естественно, мы оба знали эту традицию. Любой, кто хоть раз бывал во Франции, знает.

Он специально перелил шампанское?

Пол не раздумывая обмакнул палец в стекающее по бокалу шампанское, потянулся ко мне и «подушил» за левым ухом. Я чуть не подпрыгнула от его прикосновения, но усидела. Пол откинул мои волосы и «подушил» за правым ухом. Там он чуть-чуть задержался, а потом с улыбкой «подушился» сам.

Мне почему-то стало жарко.

– А Рина к тебе приезжала?

Я потеряла пятнышко от чая на руке, но оказалось, что это пигментное пятно. Великолепно.

– Пока нет. Театр ее не привлекает. Даже «Улицы Парижа». Но я и сам не знаю, как долго смогу здесь оставаться. Из-за Гитлера все стремятся быстрее вернуться домой.

Где-то в кухне громко переругивались двое мужчин.

Где наш эскарго? Они в Перпиньян за улитками послали?

– Ну, во Франции хотя бы есть Линия Мажино, – пробормотала я.

– Линия Мажино? Я тебя умоляю. Бетонная стена с несколькими наблюдательными вышками? Для Гитлера это жалкая полоса препятствий.

– Пятнадцать миль в ширину.

– Если он чего-то захочет, его ничто не остановит.

В кухне тем временем начали переругиваться в полный голос. Неудивительно, что наш *entrée*⁹ запаздывал. Повар, без сомнения художник в своем деле, был чем-то очень расстроен.

⁸ Игра слов: роог – бедный (англ.).

⁹ Заказ (фр.).

Из кухни вышел месье Бернар. Дверь с круглым окном несколько раз качнулась у него за спиной взад-вперед и замерла. Бернар прошел в центр зала.

Он плачет или мне кажется?

– Excusez-moi, леди и джентльмены.

Кто-то постучал ложечкой по бокалу, и все в зале притихли.

– Только что из достоверных источников... – Бернар сделал глубокий вдох, и его грудь расширилась, как кузнечные меха. – Я с полной ответственностью могу сообщить... – Он выдержал паузу и закончил: – Гитлер напал на Польшу.

– О господи! – выдохнул Пол.

Мы смотрели друг другу в глаза, а люди в зале от волнения и ужаса начали переговариваться на повышенных тонах. Репортер, которого я видела на приеме, поднялся, швырнул на стол скомканные доллары, схватил свою шляпу и выбежал из зала.

– Да поможет нам всем Господь, – закончил Бернар, но эта последняя фраза потонула в гомоне взволнованных голосов.

Глава 2

Кася

1939 год

Это Петрик Баковски придумал забраться на горку над Оленьим лугом и посмотреть на беженцев. Просто чтобы все увидеть своими глазами. Мама на слово мне бы ни за что не поверила.

Гитлер объявил войну Польше первого сентября, но его солдаты не торопились войти в Люблин. Меня это очень даже радовало: Люблин – прекрасный город, и перемены нам были ни к чему. Из Берлина по радио передали о новых порядках, на окраину сбросили несколько бомб, но больше ничего такого не происходило. Немцы нацелились на Варшаву, солдаты заняли город, а тысячи беженцев потекли к нам. Целые семьи прошли почти сто пятьдесят километров на юго-восток и разбили лагерь на картофельных полях под городом.

До войны в Люблине ничего особенного не случалось, а мы порой красивый рассвет ценили даже больше, чем поход в кинотеатр. Восьмого сентября незадолго перед восходом солнца мы поднялись на вершину горки. На полях внизу спали тысячи людей. Я лежала на примятой траве между моими лучшими друзьями – Петриком Баковски и Надей. Здесь ночью спала олениха с оленятами, и трава была еще теплой. Олени – ранние пташки, это у них с Гитлером общее.

Солнце вынырнуло из-за горизонта, и у меня даже дыхание перехватило. Так бывает, когда вдруг увидишь что-то настолько красивое, что аж больно становится. Например, малышка какого-нибудь, или свежие сливки, стекающие по овсянке, или профиль Петрика в первых лучах солнца.

Профиль Петрика – на девяносто восемь процентов идеальный – был особенно красив на заре, прямо как на монете в десять злотых. В тот момент он выглядел как все мальчишки спросонок, когда они еще не умылись, – его волосы цвета свежего масла остались примяты с того боку, на котором он спал.

Профиль Нади тоже почти идеален. У девушек с нежными чертами лица всегда красивый профиль. Единственное, что мешало ей набрать все сто процентов, – это синяк на лбу. Подарочек после недавнего инцидента в школе. Сначала синяк был размером с гусиное яйцо, со временем он уменьшился, но никуда не делся. Надя была в кашемировом свитере цвета неспелой дыни канталупы. Если я просила, она всегда давала мне его поносить.

Трудно понять, как при столь печальных обстоятельствах может возникнуть удивительно красивая картинка. Беженцы построили аккуратный палаточный городок из простыней и одеял. Солнце, как рентгеном, просветило одну из палаток, и мы сквозь простыни в цветочек увидели силуэты людей, которые уже начали одеваться.

Женщина в городской одежде откинула полог и вылезла на улицу. Она держала за руку ребенка в пижаме и войлочных тапочках. Вместе они принялись тыкать землю палками в поисках картошки.

А за палатками, на холмах разбегались старинные домики Люблина с красными крышами. Они походили на кубики, которые вытряс из стакана какой-то сказочный гигант. Дальше на запад был наш аэропорт и фабричный комплекс, нацисты уже успели их разбомбить – этот район был их первой целью. Но они хотя бы не вошли в город.

– Как думаете, британцы нам помогут? – спросила Надя. – Или французы?

К палаткам с холма цепочкой спускались пятнистые коровы. Позвякивали колокольчики. Впереди шли молочницы в платках. Одна корова подняла хвост и оставила за собой рядок

лепешек. Те коровы, что шли за ней, обходили лепешки. Все молочницы несли на плече по высокому алюминиевому бидону.

Я прищурилась и попыталась разглядеть нашу католическую школу Святой Моники с оранжевым флагом на колокольне. В школе для девочек полы были такими отполированными, что мы ходили в атласных тапочках. А еще – уроки «только держись», ежедневные мессы и строгие учителя. И никто из этих строгих учителей не помог Наде в самую трудную минуту. Никто, кроме, конечно, нашей любимой учительницы математики миссис Микелски.

– Смотрите, – сказала Надя. – Молочницы ведут коров, а вот овец нет. Сейчас совсем нет овец.

Надя всегда все подмечала. Она была лишь на два месяца меня старше (ей уже исполнилось семнадцать), но почему-то я чувствовала себя намного младше. Петрик посмотрел на Надю через мою голову, будто увидел в первый раз. Надя всем мальчикам нравилась: она умела отлично делать «колесо», походила на Морин О’Салливан и у нее была толстая светлая коса. А я, может, и не такая красивая и спортсменка неважная, но однажды в моем гимнастическом классе выиграла звание «Лучшие ноги» и «Лучшая танцовщица», но голосование было неформальным и проводилось в школе впервые.

– Ты все замечаешь, – удивился Петрик.

Надя улыбнулась в ответ:

– Вообще-то, не все. А давайте спустимся и поможем собирать картошку? Петрик, ты же так хорошо орудуешь лопатой.

Надя флиртует? Это прямое нарушение моего главного правила: «Подруга всегда на первом месте!» На день летнего солнцестояния Петрик выловил мой веночек из реки и подарил мне серебряный крестик на цепочке. Традиции уже ничего не значат?

Может, Петрик влюбился в Надю? Тогда все логично. В начале месяца герлскауты на благотворительном аукционе продавали танцы с местными парнями, и младшая сестра Нади Луиза сообщила мне, что Надя купила все десять танцев с Петриком.

А потом был этот жуткий случай у ворот школы. Мы с Надей уходили домой, и какие-то мальчишки начали кидаться в нее камнями и по-всякому ее обзывать, потому что у нее дедушка был евреем. Петрик сразу поспешил Наде на помощь.

В том, что люди кидаются камнями в евреев, для меня не было ничего необычного. Удивительно то, что это случилось с Надей. До этого я и не знала, что она на какую-то часть еврейка. Мы ходили в католическую школу, Надя могла прочесть наизусть больше молитв, чем я. Но о том, что у Нади дед – еврей, все узнали, когда наш учитель немецкого, герр Спек, дал нам задание составить свою родословную, а потом зачитал все работы перед классом.

Я в тот день попыталась оттащить Надю в сторону, но она не собиралась убежать или прятаться. Миссис Микелски, она тогда носила своего первенца, выбежала из школы и обхватила Надю руками. Она кричала хулиганам, чтобы те прекратили, и грозилась вызвать полицию. Миссис Микелски любили все девочки в школе, она была нашей путеводной звездой, то есть мы хотели стать как она – красивыми, умными и веселыми. Миссис Микелски защищала своих девочек, как львица. А чтобы мы лучше успевали по математике, угощала нас ирисками и «коровками», и я всегда сдавала все тесты на «отлично».

Петрик, он тогда вызвался проводить нас домой, гонял хулиганов, размахивая лопатой, и в результате этих героических действий у него откололся кусочек переднего зуба. Улыбка Петрика, понятное дело, пострадала, но на самом деле стала еще обаятельнее.

Из воспоминаний в реальность меня вернул – какой-то странный, похожий на стрекот сверчков звук. Он становился все громче и громче, а земля под нами начала дрожать.

Самолеты!

Они с гудением пролетели так низко над нами, что даже трава наизнанку вывернулась, а фюзеляжи снизу отразили солнечный свет. Три первых накренились вправо и, оставляя после себя запах керосина, полетели в сторону города, их серые тени скользили по полям.

Всего я насчитала двенадцать штук.

– Похожи на самолеты из «Кинг-Конга», – пробормотала я.

– Кася, там были бипланы, – сказал Петрик. – «Хеллдайверы». А эти – немецкие пикирующие бомбардировщики.

– Может, они польские.

– Никакие не польские. Видно же – белые кресты под крыльями.

– Они с бомбами? – спросила Надя скорее из любопытства, чем из страха. Она никогда не боялась.

– Аэропорт уже разбомбили, – напомнил Петрик. – Что еще им бомбить? Складов с оружием у нас нет.

Самолеты обогнули город и один за другим полетели на запад. Первый с мерзким визгом спикировал и сбросил бомбу в центре города, прямо туда, где Краковское предместье – наша главная улица – проходит между самыми красивыми домами Люблина.

Петрик вскочил на ноги:

– Господи Иисусе, нет!

Земля вздрогнула от жуткого удара, и в том месте, куда упала бомба, к небу поднялся черный столб дыма. Самолеты снова облетели город, в этот раз они сбросили бомбы рядом с Коронным Трибуналом – это наша Ратуша.

Как раз в эти дни моя сестра Зузанна, она только стала доктором, работала волонтером в больнице. А мама?

«Господи, пожалуйста, – мысленно попросила я, – если с мамой что-нибудь случится, забери меня сразу на небеса».

А папа, он на почте?

Самолеты облетели город и направились в нашу сторону. Когда они пролетали над нами, мы нырнули в траву, а Петрик накрыл нас с Надей своим телом. Я даже чувствовала, как бьется его сердце.

Два самолета вернулись, как будто что-то забыли.

– Нам надо... – начал Петрик.

Мы не успели двинуться с места, как спикировали два самолета. Они полетели над полем под горкой. Через секунду мы услышали пулеметные очереди. Стреляли в молочниц. Несколько пуль попали в поле и подняли фонтанчики земли, но остальные угодили в женщин. Те упали, молоко полилось на траву. Одна корова громко замычала и рухнула, пули застучали по алюминиевым бидонам.

Беженцы в поле побросали картошку и стали разбегаться, но пули настигали их на бегу. Два самолета повернули в нашу сторону, оставив на поле тела мужчин и женщин и туши коров. Я пригнула голову. Коровы, которые еще были живы, брыкались, словно обезумели.

Я рванула вниз по склону и дальше через лес по усыпанной хвоей тропинке. Надя и Петрик – за мной.

Что с родителями? Они живы? А Зузанна?

В городе только две «скорых», поэтому она работала всю ночь.

Мы задержались у картофельного поля – невозможно было не посмотреть. Я обошла бидон, который лежал на приличном расстоянии от женщины, по виду ровесницы Зузанны. Вокруг нее рассыпались клубни картошки. Женщина лежала на спине поперек взрыхленного ряда земли, левая рука на груди, плечо все в крови, и лицо тоже все забрызгано. Рядом с ней на коленях стояла девушка.

– Сестра, вставай. – Она взяла женщину за руку. – Ты должна встать.

– Зажми рану двумя руками, – посоветовала я, но она только посмотрела на меня, и все. К ним подошла женщина в халате из синели и тоже опустилась на колени. Она достала из черной медицинской сумки желтый жгут.

Надя потянула меня за руку:

– Идем. Самолеты могут вернуться.

В городе на улицы высыпали люди. Они плакали, кричали что-то друг другу, спасались кто на велосипедах, кто на лошадях, на телегах, пешком.

Когда мы подошли к моей улице, Петрик взял Надю за руку.

– Кася, ты почти дома, я провожу Надю.

– А как же я?

Но они уже удалялись по булыжной мостовой в сторону дома, где была квартира Надиной мамы.

Петрик сделал свой выбор.

Я пошла к арке древних Краковских ворот. Это мое любимое место в городе – кирпичная башня с колокольной наверху. Когда-то они служили единственным входом в Люблин. От взрыва бомбы сбоку башни появилась трещина, но она устояла. Из-за угла мне навстречу выехали на велосипедах миссис Микелски с мужем. Миссис Микелски была уже на последних месяцах беременности.

– Кася, тебя мама обыскала, – бросила она на ходу.

– А вы куда? – прокричала я им вслед.

– К моей сестре, – отозвался мистер Микелски.

– Иди домой к маме! – велела миссис Микелски через плечо.

Они исчезли в толпе, а я поспешила дальше.

Господи, умоляю, пусть с мамой все будет в порядке.

Как только я оказалась в нашем квартале и увидела, что наш розово-серебристый дом цел, у меня все тело закололо от облегчения. А вот дому напротив не повезло – он превратился в развалины. На улице валялись бетонные обломки, куски оштукатуренных стен, искореженные металлические кровати. Перебравшись через завалы, я увидела, как покачивается на ветру выбившаяся из окна мамина занавеска, и только тогда поняла, что стекла во всех окнах выбиты взрывной волной, обои и мебель в саже.

Доставать ключ из-за вынимающегося кирпича не пришлось – дверь была распахнута настежь. Маму и Зузанну я нашла в кухне, они стояли возле маминого чертежного стола. На полу вокруг были разбросаны кисточки, в воздухе пахло скипидаром. За ними бегала Псина – наша домашняя курица. Слава богу, она не пострадала. Псина была для нас, как для других собака.

– Где ты пропадала? – набросилась на меня мама, лицо у нее было белым, как лист ватмана, который она сжимала.

– На горке над Оленьим лугом. Это все Петрик...

Зузанна держала чашку с осколками стекла, ее белый докторский халат посерел от пепла. На то, чтобы получить право носить этот халат, у сестры ушло шесть долгих лет. Чемодан Зузанны стоял у двери. Видимо, когда немцы начали бомбить город, она паковала вещи, чтобы перебраться жить в педиатрическое отделение больницы.

– Как можно быть такой глупой? – возмутилась Зузанна.

Они с мамой принялись в четыре руки вытаскивать у меня из волос крошки бетона.

– А где папа? – спросила я.

– Он пошел... – начала мама и замолчала.

Зузанна взяла ее за плечи:

– Расскажи ей, мама.

– Он пошел искать тебя, – с трудом сдерживая слезы, сказала мама.

– Может, он на почте, – предположила сестра. – Пойду посмотрю.

– Не надо, не ходи, – взмолилась я. – Вдруг самолеты вернутся.

Страх, как электрический угорь, вполз в мою грудь. Я вспомнила тех бедных женщин, что лежали на поле...

– Я схожу, – сказала Зузанна. – Не волнуйтесь, я вернусь.

– Можно, с тобой? – попросила я. – Я могу пригодиться в больнице.

– Почему ты постоянно делаешь глупости? Папа ушел из-за тебя. – Зузанна натянула свитер и подошла к двери. – В больнице без тебя обойдутся. Ты все равно умеешь только бинты скатывать. Оставайся дома.

– Не уходи, – настаивала мама, но Зузанна решительно переступила порог.

Она всегда была сильной, как папа.

Мама подошла к окну и стала собирать с пола осколки, но у нее так дрожали руки, что она бросила это дело и вернулась ко мне. Мама пригладила мои волосы, поцеловала в лоб, а потом крепко-крепко обняла и все повторяла: «Я люблю тебя, я люблю тебя...»

Я люблю тебя.

В ту ночь я легла с мамой, но мы обе спали вполглаза – все ждали, когда вернется папа и Зузанна. Псина, как настоящий домашний питомец, спала у нас в ногах, спрятав голову под крыло. Когда папа задолго до рассвета вошел в дом, она сразу встрепелась и закудаhtала. Папа в перепачканном пеплом твидовом пиджаке замер на пороге спальни. У него всегда было грустное лицо, как у блаухаунда. Даже на детских фотографиях у него опущены уголки рта и брови домиком. Но в ту ночь свет из кухни отбрасывал тень на лицо папы и делал его еще печальнее, чем обычно.

Мама села на кровати.

– Ад? – Она откинула одеяло и подбежала к папе. Два черных силуэта на фоне освещенного дверного проема. – Где Зузанна?

– Я ее не видел, – сказал папа. – Касю я не нашел и отправился на почту, там сжег во дворе все свои документы. Всю информацию, которую захотят получить немцы: имена, адреса, списки военных. В Варшаве они заняли почтамт и прервали телеграфную связь, так что мы – следующие.

– А что они сделали с персоналом? – спросила мама.

Папа посмотрел в мою сторону и не стал отвечать на этот вопрос.

– По нашим расчетам, немцы войдут в город уже на этой неделе. И первым делом придут к нам.

– К нам? – Мама плотнее запахнула халат.

– За мной. Я могу оказаться для них полезным. – Папа улыбнулся, но его глаза были грустными. – Они захотят использовать почтамт для своих коммуникаций.

Никто не знал почтамт лучше папы. Сколько я себя помнила, он всегда им управлял. Знает важные секреты. Папа – патриот. Я была уверена в том, что он скорее умрет, но ничего немцам не расскажет.

– Откуда им знать, где мы живем?

Папа посмотрел на маму, как на ребенка.

– Халина, они не один год все это планировали. Будем надеяться, если меня заберут, то поддержат какое-то время, я все-таки для них что-то значу. Выжди два дня. Если ничего обо мне не услышишь, уходи с девочками на юг.

– Англичане нам помогут, – забормотала мама. – Французы...

– Никто нам не поможет, любовь моя. Мэр эвакуируется, а с ним полиция и пожарная бригада. Так что сейчас мы должны спрятать все, что сможем.

Папа достал из комода шкатулку с мамиными украшениями и бросил ее на кровать.

– Для начала помой и высуши все жестяные банки, какие найдешь. Надо закопать все ценное...

– Но, Ад, мы ничего не нарушали. Немцы – культурные люди. Это все Гитлер, он словно заклятие какое-то на них наслал.

Мамина мама была чистокровной немкой, а отец – наполовину поляк. Даже спросонок она была очень красивая – нежная, но не хрупкая, натуральная блондинка.

Папа взял ее за руку:

– Твои культурные люди хотят, чтобы мы ушли и освободили для них место. Ты это понимаешь?

Он начал обходить квартиру, складывая в металлическую коробку с шарнирной крышкой все самое для нас важное: мамин сертификат медсестры, свидетельство об их браке, мамино колечко с рубином и конверт с нашими семейными фотокарточками.

– Доставай мешок под пшено. Это мы тоже закопаем, – велел папа.

Мама достала из-под раковины холщовый мешок.

– Они, скорее всего, будут обходить дома – искать польских солдат, – понизив голос, растолковывал папа. – По радио передали новый порядок. Польша как страна теперь не существует. Польский язык запрещен. Все школы закрываются. Вводится комендантский час. Тот, кто вышел из дома в комендантский час, должен иметь специальный пропуск. Оружие, лыжные ботинки и любые продукты питания сверх установленной нормы для нас под запретом. Хранение всего перечисленного карается... – Папа снова посмотрел на меня и решил не продолжать. – Думаю, они будут просто брать то, что им захочется.

Папа достал из ящика комода серебристый револьвер. Мама отшатнулась, у нее даже зрачки расширились.

– Закопай его, – попросила она.

– Он может нам понадобиться, – возразил папа.

Мама отвернулась.

– От оружия добра не жди.

Папа немного поколебался и отправил револьвер в коробку.

– Кася, закопай свою герлскаутскую форму. Нацисты охотятся на скаутов, в Гданьске они расстреляли группу мальчишек.

У меня внутри все похолодело. Я знала: с папой лучше не спорить – и расфасовала свои драгоценные пожитки по жестяным банкам. Шерстяной шарф, который как-то надевал Петрик и который еще хранил его запах. Новое красное вельветовое платье, сшитое для меня мамой. Рубашка и галстук от моей скаутской формы. Фотокарточка, где мы с Надей сидим верхом на корове.

Мама завернула набор колонковых кисточек, которые принадлежали еще бабушке, и тоже положила их в коробку. Папа растопил воск и запечатал все швы на банках.

В ту ночь наш сад за домом освещали только звезды. Пятачок земли, окруженный несколькими досками, которые только сорняки и удерживали в вертикальном положении. Папа надавил ногой на ржавое лезвие лопаты, и оно, как нож в пирог, вошло в твердую землю. В итоге он вырыл довольно глубокую яму, которая по размерам сошла бы за могилу ребенка.

Мы почти закончили, но даже в темноте я заметила, что мама не сняла с пальца обручальное кольцо, которое ей передала бабушка. Папа тогда был слишком беден и не мог позволить себе купить кольцо для невесты. Оно было похоже на чудесный цветок с бриллиантом в центре и лепестками из сапфира. Когда мама двигала рукой, кольцо мерцало в темноте, как испуганный светлячок.

«Алмаз огранки „кушон“, первые алмазы с такой огранкой появились в начале восемнадцатого века, максимально открывает свой цвет при мерцающем свете свечей», – говорила

мама, когда кто-нибудь начинал восхищаться ее кольцом. И оно действительно мерцало, прямо как живое.

– А твое кольцо? – напомнил папа.

«Светлячок» спрятался маме за спину.

– Только не его, – сказала мама.

Еще детьми мы с Зузанной, когда переходили дорогу, всегда дрались за право держаться за руку мамы с обручальным кольцом. За самую красивую руку на свете.

– Мы вроде уже достаточно закопали, – пробормотала я. – Нас могут тут застучать.

Стоять и спорить в темноте за домом – только привлечь внимание.

– Поступай как знаешь, Хелена, – буркнул папа и начал закапывать наш «клад».

Я, чтобы поскорее с этим закончить, помогала ему руками. Папа притоптал землю и, чтобы не забыть месторасположение «клада», шагами отсчитал расстояние от «клада» до дома.

Двенадцать шагов до двери.

Наконец пришла Зузанна с ужасными историями о том, как доктора и медсестры всю ночь спасали раненых. Ходили слухи, что под завалами еще оставались живые. Мы жили в страхе, что у нас на пороге в любую минуту появятся немецкие солдаты, наши уши были постоянно настроены на радио в кухне, мы надеялись услышать хорошие новости, но они становились все хуже. Польша защищалась, несла огромные потери, но все-таки не смогла противостоять вооруженным по последнему слову техники дивизиям и авиации немцев.

В воскресенье семнадцатого сентября я проснулась, и первое, что услышала, – это то, как мама пересказывает папе услышанные по радио новости. Теперь и русские напали на нас с востока.

Когда-нибудь наши соседи перестанут на нас нападать?

Родителей я застала в кухне. Они выглядывали в окно. Утро выдалось прохладное, в кухню через мамины занавески задувал бодрящий ветерок. Я подошла ближе и увидела, как еврейские мужчины в черном разбирают завалы напротив нашего дома.

Мама обняла меня за плечи. Как только завалы были расчищены, на улице появились немцы. Они, как новые жильцы пансиона, тащили с собой горы пожитков. Первыми ехали грузовики, а за ними шла пехота. Хорошо хоть Зузанна в то утро была уже в больнице и не видела эту печальную картину.

Папа все смотрел в окно, а мама вскипятила ему воду для чая.

Может, если мы будем сидеть тихо, они к нам не сунутся?

Чтобы как-то себя успокоить, я начала пересчитывать вышитых на маминых занавесках птичек. Один жаворонок. Две ласточки. Одна сорока.

Сорока вроде бы символ неизбежной смерти?

Рычание грузовиков становилось все громче.

Я запаниковала и сделала глубокий вдох.

Что теперь будет?

– С дороги! С дороги! – командовал мужской голос снаружи.

По брусчатке грохотали кованые сапоги. Их было очень много.

– Кася, отойди от окна, – велел папа и сам отступил на шаг в кухню.

Он сказал это так резко, что я сразу поняла – ему страшно.

– Нам спрятаться? – шепотом спросила мама и повернула кольцо цветком к ладони.

Папа подошел к двери, а я принялась молиться. Снаружи кто-то громко и отрывисто пролаял приказы, и грузовик уехал.

– Кажется, они уехали, – шепнула я маме и в ту же секунду подпрыгнула, потому что в дверь постучали.

– Открывайте! – крикнул мужчина.

Мама словно окаменела, а папа открыл дверь.

В дом вошел ээсовец, весь такой напыщенный и очень довольный собой.

– Адальберт Кузмерик?

Он был сантиметров на двадцать выше папы, то есть такой высокий, что чуть притолоку фуражкой не задел. Он и его шестерка были в форме «Зондерфинст», в черных сапогах и фуражках с жуткими черепами вместо кокард. Когда он проходил мимо меня, я почувствовала сильный запах гвоздичной жвачки. А еще он был упитанный и так высоко держал подбородок, что я смогла разглядеть пятнышко крови на пластыре у него на кадыке, – видно, порезался, когда брился. У нацистов кровь тоже красная.

– Да, это я, – как можно спокойнее ответил папа.

– Директор почтамта?

Папа кивнул.

Два подручных ээсовца схватили папу и потащили из дома так быстро, что он даже не успел на нас обернуться. Я хотела пойти за ними, но главный ээсовец преградил мне дорогу своей резиновой дубинкой.

Мама с обезумевшими глазами подбежала к окну.

– Куда они его увели?

Мне вдруг стало очень холодно. Дыхание перехватило.

В дом вошел еще один ээсовец, он был ниже первого, и у него на груди висел холщовый мешок.

– Где ваш муж хранит документы со своей работы? – спросил высокий.

– Только не здесь, – ответила мама. – Вы не скажете – куда его забрали?

Она стояла, сцепив руки на груди, а тот ээсовец, что помельче, начал обходить дом. Он выдвигал все полки и запихивал в свой мешок все бумаги, которые находил.

– Коротковолновое радио? – спросил высокий.

Мама затрясла головой:

– Нет.

Тощий ээсовец распахнул дверцы буфета. У меня свело желудок – я стояла и смотрела, как он сбрасывает в свой мешок наши скромные запасы продуктов.

– Все продукты – собственность рейха, – заявил высокий. – Вам выдадут продуктовые карточки.

Консервированный горошек, две картофелины и небольшой вялый кабачок полетели в мешок. Потом он схватил скрученный бумажный пакет с остатками маминого кофе.

Мама протянула к нему руку:

– Прошу вас... можно оставить кофе? Это все, что у нас есть.

Высокий повернулся и долгую секунду смотрел на маму.

Потом приказал:

– Оставь. – И его подчиненный швырнул пакет на стол.

Они прошли через три маленькие спальни, в – каждой выдвигали ящики комодов и бросали на пол нижнее белье и носки.

– Оружие? – спросил высокий, пока второй обыскивал шкаф. – Еще продукты?

– Нет, – ответила мама.

Я никогда прежде не видела, чтобы она кого-то обманывала.

Высокий подошел ближе к маме:

– Вы наверняка уже слышали, что сокрытие того, что принадлежит рейху, карается смертью.

– Я понимаю, – пробормотала мама. – Если бы я только могла проведать моего мужа...

Мы вышли за ээсовцами в садик на заднем дворе. Двор был огорожен забором, и, когда там появились немцы, он вдруг показался совсем малюсеньким. Все выглядело вполне нор-

мально, только земля в том месте, где мы неделю назад закопали свой клад, была слишком ровная. Любой бы догадался, что там что-то закопано. Немец шел от двери, а я считала его шаги.

Пять... шесть... семь...

Они видят, что у меня дрожат коленки?

Наша курица, Псина, подошла ближе к месту нашего клада и начала скрести землю лапой в поисках червяков. Да еще лопата стояла у стены дома, и на ней остались комья присохшей земли.

Они заберут нас в люблинский замок или расстреляют прямо во дворе? И мы будем лежать здесь, пока нас папа не найдет?

– Думаете, я дурак? – спросил высокий, шагая к сакральному месту.

Восемь... девять...

У меня перехватило дыхание.

– Конечно нет, – ответила мама.

– Дай мне лопату, – приказал он своему подчиненному. – Вы действительно думали, что вам это сойдет с рук?

– Нет, прошу вас. – Мама схватилась за медальон со святой Марией, который всегда носила на шее. – Я на самом деле из Оснабрюка. Вам ведь известно об этом?

Высокий взял лопату.

– Разумеется, мне об этом известно. Кто не бывал на Рождественском рынке в Оснабрюке? Вы зарегистрировались как фольксдойче?

Так они называли этнических немцев, которые жили за пределами Германии. Нацисты принуждали граждан Польши немецкого происхождения, таких как моя мама, регистрироваться как фольксдойче. Тот, кто регистрировался, получал дополнительный паек, им давали хорошую работу и вещи, которые конфисковывали у евреев и обычных поляков. Мама бы никогда не приняла статус фольксдойче, ведь это означало лояльность Германии. Отказ от регистрации был большим риском, потому что так она фактически выступала против рейха.

– Нет, но я почти немка. Мой отец лишь частично был поляком.

Псина скребла землю на притоптанном пяточке и что-то там выклевывала.

– Если бы вы были немкой, вы бы не нарушали правила. И не стали бы укрывать то, что принадлежит рейху.

Мама прикоснулась к его руке.

– Во всем этом так трудно разобраться. Вы понимаете? Представьте, что ваша семья...

– Моя семья передала бы все свое имущество рейху.

Эсэсовец взял лопату и пошел к притоптанному пяточку.

Десять... одиннадцать...

Мама пошла за ним.

– Мне очень жаль...

Эсэсовец ее не слушал. Он сделал еще один шаг.

Двенадцать.

Долго он будет копать, прежде чем наткнется на коробку?

– Прошу вас, дайте нам еще один шанс, – молила мама. – Правила новые, мы еще не привыкли...

Немец развернулся, облокотился на лопату и внимательно посмотрел на маму. Потом улыбнулся. Зубы у него были похожи на маленькие подушечки жевательной резинки.

Он наклонился ближе к маме и, понизив голос, спросил:

– А правило о комендантском часе вам известно?

– Да, – ответила мама.

У нее между бровей появилась морщинка, она переступила с ноги на ногу.

– Это правило вы можете нарушить. – Эсэсовец взял двумя пальцами мамин медальон и потер его, а сам не спускал глаз с мамы.

– Тот, кто нарушает комендантский час, должен иметь специальный пропуск, – проговорила мама.

– Они у меня при себе, вот в этом кармане.

Эсэсовец отпустил медальон и похлопал себя по груди.

– Я не понимаю.

– А я думаю, что понимаете.

– Вы хотите сказать, что не станете этого делать, если я приду к вам?

– Если вы так это поняли...

– Все немцы, которых я знаю, – культурные люди. Я не могу поверить в то, что вы просите пойти на это мать двоих детей.

Эсэсовец наклонил голову набок, закусил губу и поднял лопату.

– Жаль, что вы так к этому относитесь.

– Подождите, – взмолилась мама.

Немец взмахнул лопатой.

– О господи, нет! – закричала мама.

Она потянулась, чтобы взять эсэсовца за руку, но слишком поздно. Как только лопата поднялась в воздух, ее было уже не остановить.

Глава 3

Герта

1939 год

В полночь мы с отцом пешком прошли шесть кварталов от нашей скромной квартиры в цокольном этаже здания до более красивого района Дюссельдорфа с белокаменными домами, где прислуга подметала улицу и прищипывала герань в наружных ящиках для цветов. Ночь, хоть и в конце сентября, была теплой и безветренной. Такую погоду называли «погода фюрера», потому что она способствовала кампаниям Гитлера. И уж точно помогла занять Польшу.

Я взбежала по ступенькам к двустворчатым дверям с белой кованой решеткой филигранной работы, защищавшей стекло «с морозом», и нажала кнопку серебряного звонка.

«Кац вообще дома?» – волновалась я.

За матовым стеклом горел слабый свет, но газовые фонари по сторонам двери были выключены. Отец ждал на улице – стоял в темноте, обхватив руками живот.

В тот год, когда здоровье отца ухудшилось так резко, что он был вынужден обратиться к старому лекарю-еврею, мне исполнилось двадцать пять. Нам запрещалось называть евреев докторами, для них подобрали термин «лекари». Также арийцам запрещалось часто обращаться к докторам-неарийцам, но мой отец редко следовал правилам.

Где-то в глубине дома зазвонил колокольчик. До этого я никогда не была в доме евреев и сейчас не горела желанием туда войти, но отец настоял на том, чтобы я отправилась с ним. В общем, мне очень не хотелось задерживаться в этом здании.

За матовым стеклом зажегся яркий свет и появился темный силуэт. Створка справа от меня приоткрылась, и я увидела своего бывшего сокурсника, одного из студентов-евреев, которых больше не желали видеть в университете. Он заправлял рубашку в брюки.

– Что вам нужно в такой час?

За спиной парня по лестнице спускался сам Кац. Толстый ковер поглощал звук его шагов, а за ним шлейфом волочился подол темно-синего халата. Он явно испугался – сгорбился, как старик, и выпучил глаза. Наверное, думал, что это гестапо.

Отец с трудом поднялся на крыльцо, встал около меня и оперся одной рукой на косяк.

– Извините, господин доктор, мне жаль, что пришлось вас побеспокоить, но боль просто невыносимая.

Узнав отца, Кац сразу заулыбался и пригласил нас в дом. Когда мы вошли, бывший студент-медик посмотрел на меня с прищуром.

Доктор проводил нас в свой кабинет, который был раза в три больше нашей квартиры, весь обшит деревянными панелями, а по стенам – полки с книгами в кожаных переплетках. Винтовая лестница вела на галерею, а там – еще книги. Доктор повернул круглый переключатель на стене, и у нас над головой засверкала люстра с тысячей хрустальных подвесок.

Кац усадил отца в похожее на трон кресло. Я пробежалась пальцами по подлокотнику. Красный, вышитый золотом дамаст был гладким и прохладным.

– Вы меня ничуть не побеспокоили, я просто читал, – сказал Кац и через плечо обратился к бывшему студенту: – Мой саквояж, пожалуйста, и стакан воды для господина Оберхойзера.

Парень плотно сжал губы и вышел из кабинета.

– Как давно усилилась боль? – спросил Кац.

Я встречала мало евреев, но о них много писали в учебниках и в «Штурмовике». Захват и контроль. Монополия на рынок юридических и медицинских услуг. Но Кац, казалось, был

рад видеть отца, что странно, учитывая, в какой час мы пришли. Видимо, этот человек любил свою работу.

– С ужина, – ответил отец, обхватывая живот.

В то время я уже почти окончила медицинский институт и могла бы его проконсультировать, но он настоял на визите сюда.

Я осматривала кабинет Каца, а Кац осматривал моего отца. Камин из черно-белого мрамора, рояль. Книги на полках пыльные и засаленные. Каждая стояла больше, чем я за год зарабатывала в мясной лавке дяди Хайнца, где за полставки нарезала мясо для жаркого. И конечно, среди них был зачитанный том Фрейда. В кабинете горело несколько ламп, хотя свет от них никому не был нужен. Если бы мама видела такую расточительность...

Кац ощупал шею отца под ушами. А когда повернул руку отца, чтобы проверить пульс, на рукаве его халата заблестела вышитая серебряными нитками буква «К».

– Этому может быть причиной работа на фабрике Хоршафта, – пробормотал Кац. – На вашем месте я бы немедленно уволился.

Отец поморщился. Кожа у него была землистого цвета.

– Но мы не проживем без этой работы.

– Тогда постарайтесь хотя бы работать в помещении с вентиляцией.

Вернулся бывший студент-медик и поставил на столик рядом с креслом хрустальный стакан с водой.

«Неужели так сложно подать стакан отцу?» – разозлилась я.

Видимо, парень не знал, что отец на их стороне. Если бы отец не был столь сильно болен, он бы целый вагон таких вот спрятал в нашей задней спальне.

Кац вытряхнул на ладонь отца таблетку из пузырька и улыбнулся.

– Денег не нужно.

Значит, так они это делают? Ловят клиента на крючок, а потом запрашивают завышенную цену.

В наших учебниках описывались самые разные стратегии, которые использовали евреи, чтобы уничтожить репутацию трудолюбивых немцев. Они подмяли под себя мир медицины. Мои профессора говорили, что евреи держат результаты своих исследований при себе и делятся ими только в своем кругу.

Пока отец принимал таблетку, я разглядывала корешки книг. «Клиническая хирургия». «Стадии развития эмбриона человека и беспозвоночных». Целая полка томов в зеленом кожаном переплете с такими названиями, как «Атлас заболеваний покровов наружного глазного яблока», «Атлас сифилиса и венерических заболеваний».

– Любите читать? – полюбопытствовал Кац.

– Герта скоро заканчивает медицинский институт, – поделился с ним отец. – Она на ускоренном курсе. Интересуется хирургией.

Я отличилась на всех немногочисленных курсах хирургии, которые мне дозволялось посещать, но специализироваться на хирургии при национал-социализме женщинам не разрешили.

– Ах вот как, – улыбнулся Кац. – Хирургия – королева медицины. Так, по крайней мере, считают хирурги. – Он взял с полки один из томов в зеленом переплете. – «Атлас общей хирургии». Не читали?

Я промолчала, а Кац протянул том мне. Похоже, кто-то из евреев все же делится.

– Вернете, когда все изучите, и я дам вам другую, – предложил Кац.

Я не притронулась к тому. «Что скажут люди, если я возьму книгу у еврея?»

– Вы слишком щедры, господин доктор, – пробормотал отец.

Кац так и не опустил книгу.

– Я настаиваю.

Книга в мягком кожаном переплете с выдавленными золотыми буквами явно была тяжелой.

«Могу ли я ее взять?» – Я хотела получить эту книгу даже сильнее, чем ее прочитать. У меня были учебники. Страшные, потрепанные, с нацарапанными другими людьми пометками на полях и с застрявшими между страницами хлебными крошками. Эта книга была прекрасна сама по себе. Здорово, если бы меня с ней увидели. Войти в класс и небрежно бросить «Атлас общей хирургии» на парту. Мама бы разозлилась на отца за то, что он позволил мне ее взять, но одно появление перед сокурсниками с такой книгой того стоило.

Я взяла книгу и отвернулась.

– Герта у нас неразговорчивая, – объяснил отец. – И быстро читает. Она очень скоро вернет вашу книгу.

Книга оказалась весьма полезной, и многие моменты в ней описывались более подробно, чем в наших учебниках. Меньше чем за неделю я проштудировала ее от раздела «Воспаление и восстановление тканей» до «Рака лимфатических систем». Текст и цветные таблицы позволили разобраться в состоянии отца.

Эпителиома. Саркома. Радиовая терапия.

Дочитав последнюю главу «Ампутация и протезирование» и решив две описанные там задачи, я отправилась к лекарю, чтобы вернуть книгу и в надежде получить еще одну.

На подходе к дому я обнаружила, что парадные двери распахнуты. Эсэсовцы выносили и складывали на тротуар картонные коробки с книгами, черную докторскую сумку и плетеную детскую коляску. Кто-то наигрывал на рояле народную немецкую песню.

Я прижала книгу к груди и вернулась домой – Кац уже не сможет потребовать ее назад. Аресты ни для кого не были секретом и чаще всего происходили по ночам. Конечно, неприятно смотреть, как чье-то имущество конфискуют подобным образом, но евреев предупреждали, они были в курсе требований фюрера. Пусть правила были жесткими, но о них все знали, и они разрабатывались на благо Германии.

Не прошло и недели, как я случайно стала свидетелем заселения в тот дом семейства с пятью сыновьями и одной дочерью.

Маме нравилось работать в мясной лавке ее брата Хайнца, поэтому она и меня к нему пристроила. Лавка располагалась в богатом районе города за мостом Оберкасселя. Она была маленькой, и каждый свободный квадратный дюйм занимал товар. Дядя, как носки на бельевой веревке, развесил снаружи окорока и длинные свиные реберные серединки, выложил распластанные вспоротые свиные туши с выскобленными и отдельно расфасованными потрохами.

Вначале мне становилось дурно от этой картины, но со временем, как студентка медицинского института, я научилась видеть красоту в малопривлекательных вещах. Срез ребер цвета слоновой кости в расширенной грудной клетке. Голова теленка (он как будто спит) с бахромой черных ресниц на фоне мокрой шкуры.

– Я могу пустить в дело все – от носа до хвоста, – любил повторять дядя Хайнц. – Все, кроме визга.

Он разделял и варил свинину целый день напролет. Окна запотевали, запах был тошнотворный и одновременно сладкий, именно такой, какой можно почувствовать только в мясной лавке.

После того как большинство евреев покинули город, наша лавка осталась одной из немногих, где торговали качественным товаром, и дела с каждым днем шли все лучше.

Как-то днем Хайнц сообщил столпившимся у прилавка покупательницам весьма полезную новость:

– Дамы, вам лучше отправиться на площадь. Там сейчас распродажа вещей со складов. Я слышал, фрау Брандт отыскала соболью шубу на шелковой подкладке, так что поторопитесь.

О том, что вещи конфискованы у евреев, не говорилось, но все об этом знали.

– Это просто ужасно, что у людей вот так забирают вещи, – пробурчала тетя Ильза, жена Хайнца.

Она старалась как можно реже появляться в лавке, а когда приходила, всегда приносила мне баночку клубничного варенья, которое я как-то раз похвалила. Тетя Ильза, несмотря на теплую погоду, плотно запахнула жакет и пробыла в лавке всего две минуты.

– Грех рыться в чужих вещах, как будто их хозяева уже умерли.

Тетя оплачивала большую часть моего обучения в медицинском институте. Высокая, худая, с очень маленькой, в сравнении с туловищем, головой, она походила на самку богомола. Мать оставила Ильзе значительную сумму денег, которые та тратила осторожно, хотя дядя, конечно, ворчал по этому поводу.

Хайнц улыбнулся, и его свинячьи глазки утонули в складках жира.

– О, Ильза, можешь не волноваться, они, скорее всего, уже мертвы.

Покупательницы отвернулись, но я понимала, что дядя прав. Если Ильза не будет соблюдать осторожность, ее вещи в итоге окажутся в одной куче с вещами евреев. И золотой крестик на шее не поможет. Знала ли она о том, что делает Хайнц в холодильной комнате? Возможно, да. На бессознательном уровне, как теленок, который начинает проявлять беспокойство в день забоя скота.

– Ильза, ты всплакнула, когда прикрыли лавку еврея Кристеля. Моя жена дружит с евреями и отоваривается у моих конкурентов! Это ты называешь верностью?

– У него я могу купить моих любимых цыплят.

– Могла, Ильза. Если пойдут разговоры, это навредит моей торговле. Скоро тебя занесут в «Позорный список».

Я прикусила язык. Дело в том, что я уже видела имя тети Ильзы в «Позорном списке». В «Позорный список» вносились имена немцев, которые отоваривались в магазинах евреев. Листочки расклеивались по городу, каждая была по диагонали перечеркнута черной полосой.

– Жена Кристеля сюда не заходит, – напомнил Хайнц. – И слава богу. И фрау Зэйтс тоже. Хотела купить кочан капусты, а заплатить могла только за половину. Кто так делает? Я его разрежу, а кто купит вторую половину? Никто.

– Зачем ей покупать целый, если нужна только половина? – спросила тетя.

– Мой бог! Как ты не понимаешь? Она же это специально!

– Не придавливай пальцем весы, Хайнц, иначе совсем без покупателей останешься.

Дядя с тетей продолжали пререкаться, а мы с мамой пошли на распродажу на площади.

Мама редко могла позволить себе походы по магазинам. Каждый день она вставала в полшестого утра, штопала и чинила одежду, а потом шла убирать дома или работать в лавку. Благодаря «экономическому чуду» фюрера у нее появилось хоть немного свободного времени в дневные часы, но к вечеру она все равно выбивалась из сил.

Когда мы переходили через дорогу, мама взяла меня за руку, и я почувствовала, какая у нее загрубелая кожа. Я вообще редко смотрела на ее красные и воспаленные от постоянного мытья туалетов и посуды руки. Никакой ланолиновый крем не смог бы сделать их нежными.

Народ на площади наблюдал за тем, как солдаты вермахта сваливают конфискованные вещи в кучи, а более ценные раскладывают на столах. Когда мы подошли ближе, у меня участился пульс. Вещи были рассортированы на мужские и женские и по категориям использования. Обувь и сумки. Коробки с бижутерией. Пальто и платья. Ничего особенного, но, если покопаться, можно было найти вещь модного дома за бесценок. Мама, вдохновленная такой перспективой, приступила к поискам.

– Смотри – «Шанель». – Я показала маме красную шляпку.

– Только не шляпки, – отозвалась она. – Хочешь вшей подцепить? И зачем тебе скрывать волосы? Такая красота – твое богатство.

Это мне польстило, и я бросила шляпку обратно.

Волосы у меня были средней длины – до плеч, – но стопроцентной блондинкой меня бы никто не назвал. Я была скорее платиновой, что очень хорошо. Каждая немецкая девушка хотела быть блондинкой, а пергидроль не одобрялся.

Мы подошли к горе картин и фотографий в рамках. Сверху лежала картина, на которой была изображена пара обнимающихся мужчин, холст снизу грозило проткнуть острие какой-то статуэтки.

– О господи, еврейское искусство, – сказала мама. – Им что, трудно просто повесить на стенку календарь, как это мы делаем?

Тут к нам присоединился отец, он как раз возвращался из аптеки. Морщины на его лице в тот день казались особенно резкими – последствия тяжелой ночи на диване.

Я взяла с одного из столов фотоальбом и полистала. Черно-белые фотокарточки, сделанные на каникулах каким-то семейством.

– Это недостойно, – проворчал отец. – И вы обе считаете себя христианками?

Разумеется, он нас не одобрял. Удивительно, что он вообще решил остановиться и заговорить с нами. Я бросила альбом обратно.

– Антон, ты можешь хоть на минуту расслабиться? – спросила мама.

Я выбрала из кучи картин в рамках ту, на которой были изображены две коровы на выпасе. Хорошая работа, может даже шедевр. Традиционное немецкое искусство. Именно такое одобряет Министерство пропаганды, что-то в этом роде обязана иметь дома каждая культурная женщина.

– Как тебе, мама?

Мама показала пальцем на коров и рассмеялась.

– О, да это же ты, телушка.

Телушка – прозвище, которое дала мне мама. Маленькая коровка. Я напоминала ей коричневую корову, что была у нее в детстве. Конечно, я давно смирилась с тем, что никогда не стану такой же изящной, как мама, и настоящей блондинкой тоже, но прозвище по-прежнему задевало.

– Не называй так Герту, – одернул ее папа. – Ни одна девушка не заслуживает того, чтобы ее называли коровой.

Всегда приятно почувствовать поддержку отца, даже если он правонарушитель, слушает иностранное радио и читает все иностранные газеты, какие только может достать.

Я выбрала две картины и отложила их в нашу кучку.

– Куда отправили хозяев всех этих вещей? – спросила я, хотя уже имела общее представление.

– Думаю, в концлагерь, – отозвалась мама. – Они сами виноваты. Могли же уехать. В Англию, например. Они не работают, в этом вся проблема.

– Евреи работают, – возразил отец.

– Да, разумеется, но кем? Адвокатами? Это не настоящая работа. Они владеют фабриками, но работают ли они? Нет. Я лучше буду вкалывать в десяти местах, чем стану работать на евреев.

Мама достала из кучи вещей мужской халат.

– Антон, как тебе такой?

Нам с отцом было совсем не обязательно искать на рукаве халата вышитую серебряной нитью букву «К», мы и без того знали, кто был его прошлым хозяином.

– Нет, благодарю, – отказался отец, и мама пошла дальше осматривать выставленные на распродажу вещи.

– Ты уверен? – Я взяла халат и протянула его отцу. – Красивая вещь.

Папа отступил от меня на шаг:

– Герта, что с тобой случилось? Куда подевалась моя девочка с добрым сердцем, девочка, которая первой вызывалась собирать пожертвования для нуждающихся? У Каца ты могла бы многому научиться.

– Я не изменилась.

Отец, очевидно, не поддерживал меня и даже не очень-то любил, но не было необходимости демонстрировать это прилюдно.

– Кац сопереживал людям. Доктор без любви в сердце превращается в бездушную машину.

– Разумеется, я сопереживаю людям. Ты хоть знаешь, каково это – изменить жизнь человека вот этими руками?

– При Гитлере ты никогда не станешь хирургом. Неужели ты этого не понимаешь? Вы, нынешние молодые, такие упрямые.

Неприятно это признавать, но папа был прав в вопросе моей перспективы стать хирургом. Я оказалась одной из немногих женщин в институте, кому повезло изучать пусть не хирургию, но дерматологию, а также пройти базовый курс по хирургии.

– Мы все должны чем-то пожертвовать, но Германия изменилась благодаря нашему поколению. Вы нам оставили бедную страну.

– Гитлер несет гибель нам всем, он просто берет то, что хочет...

– Тише, отец.

Вести такие разговоры при людях было крайне опасно. Отец даже отпускал шутки в адрес наших партийных лидеров.

– Гитлер – наша надежда. Очень скоро он избавится от трущоб. И он должен завоевывать новые территории. Германия не может процветать без расширения своих границ. Никто не вернет добровольно земли, которые мы потеряли.

Многие родители опасались вступать в конфронтацию со своими детьми, но не мой отец.

– Он уничтожает Германию ради своих амбиций.

– Эта война закончится через несколько недель. Вот увидишь.

Отец лишь рукой махнул.

– Ступай домой и отдохни перед ужином, – посоветовала я ему.

Отец побрел с площади, едва не натыкаясь на людей. Ему надо было прилечь и немного поспать. Рак одолел его тело. Мог бы Кац облегчить его страдания? Думать об этом – пустая трата времени. Я занялась поиском книг по медицине.

Спустя какое-то время ко мне быстро подошла мама.

– Я нашла розовое мыло... и тостер.

– Мама, тебя отец не беспокоит? На него в любой момент могут донести. Я это чувствую.

Оба моих родителя были чистокровными немцами и могли проследить свою родословную до середины восемнадцатого века, но отец при этом не желал скрывать свое негативное отношение к партии. Он продолжал вывешивать в окне с фасада традиционный полосатый флаг Германии рядом с маминим новым красным флагом партии. Правда, мама всегда перевешивала его в боковое окно. Никто не обращал внимания на папин флаг среди множества флагов со свастикой, но это было делом времени.

– Да, Герта, *feind hirt mitt*, – согласилась мама. – Враг не дремлет. – Она притянула меня к себе. – Не думай об этом, коровка. Сосредоточься на работе.

– Для меня доступна только дерматология...

Мама крепче сжала мою руку:

– Прекрати сейчас же. Скоро ты будешь работать с самыми лучшими специалистами. Ты сможешь всего добиться.

– Надо как-то укоротить отца.

Мама посмотрела в сторону.

– Что скажут люди, если мы принесем эти вещи в дом? – Она кивнула на тостер, который держала в руке.

Мы расплатились за выбранные вещи. Тостер, альбом и картины. И еще горжетка из норки с уцелевшими стеклянными глазами. Ради этой роскошной вещи мама забыла о риске подхватить вшей. Солдаты подбросили еще докторский диплом в рамке, мама решила, что вставит вместо него сертификат о своем арийском происхождении. А еще взяли спортивные парусиновые тапки для меня. И все это за десять марок! У нас редко бывал хлеб для тостов, и мама не могла позволить себе ходить в места, где носят норковые горжетки, но улыбка на ее лице была достаточным оправданием всех этих покупок.

На следующей неделе мне предстояла поездка в лагерь в качестве старшей группы, так что я очень обрадовалась спортивным тапочкам. Лагерь «Блюм» располагался в сосновом лесу в одном дне езды на поезде от Дюссельдорфа. Его курировала организация «Вера и красота» – в нее принимались девушки от восемнадцати до двадцати одного года, там их готовили к семейной жизни и материнству. Это такое подразделение Союза немецких девушек, а вот сам союз был крылом гитлерюгенда – молодежной организации НСДАП.

Целью похода был прием младших девушек в организацию, а я, как командир отряда, должна была присматривать за девушками из моего домика. Задача не из легких.

Командирам раздали задания на день. Так как я считала рисование любительских акварелей и плетение шнурков бессмысленной тратой времени, для меня подобрали нечто противоположное – мастерскую. К тому же мои способности никак не пересекались с миром искусства. С моей медицинской подготовкой я могла бы возглавить лагерную больницу, но мы служим там, куда нас призывают. Ну хотя бы мастерская была с видом на озеро, в котором отражались красные и желтые кроны деревьев.

Как-то днем ко мне в мастерскую прислали девушку по имени Пиппи. Мы с ней познакомились еще в Союзе немецких девушек и, хотя она на несколько лет младше, подружились. Можно даже сказать, мы были на пути к тому, чтобы стать лучшими подругами, ведь у каждой девушки должна быть верная подруга. В СНД все делали вместе. Зарабатывали значки, лидерские нашивки и шнуры. По очереди носили флаг на собраниях. В лагере мы делились едой и даже вместе наводили порядок на рабочих столах в мастерской.

– Давай живее, – сказала я. – Скоро дождь начнется.

Пиппи собирала со столов ножницы и распихивала их по расставленным в мастерской жестяным банкам. Жуткая копуша.

– Смотри, кто там нас поджидает. – Пиппи кивнула в сторону окна.

На краю леса возле выгашенной из воды лодки стояли два парня, один – блондин, второй – брюнет. Лодка прочертила на берегу глубокую борозду. Я их узнала – то были командиры из расположенного по соседству с нашим лагеря для мальчиков. Оба в форменных шортах и рубашках цвета хаки. Из команды гребцов. И разумеется, оба – красавцы. В лагеря германской молодежи не допускались представители низшей расы, так что все ребята были привлекательными и чистокровными немцами. Нет смысла измерять циркулями и краниометрами черепа и носы: мы все были генетически чистыми.

Парни возились с ключичинами и поглядывали в сторону мастерской.

– Пиппи, ты же знаешь, что им нужно, – проворчала я.

Пиппи посмотрелась в зеркало над раковиной. Рядом с зеркалом кнопками приколоты постер: «ПОМНИ, ТЫ НЕМКА! СОХРАНЯЙ ЧИСТОТУ КРОВИ!»

– Ну и что? Я просто хочу попробовать. Это же весело.

– Весело? Да у нас ни одна эстафета не заканчивается без того, чтобы парочки в лес не побежали.

Какой интерес в эстафете, если нет победителя?

На то, что арийские ребята делятся на парочки, персонал лагеря «Блюм» смотрел сквозь пальцы. Если за этим следовала беременность, мать отправляли в спа-клинику СС. Появление ребенка приветствовалось вне зависимости от того, состояла его мать в браке или нет. Такое внимание к детскому вопросу вполне объяснимо, поскольку будущее Германии зависело от численности ее населения. Но я нацелилась стать врачом и не могла позволить себе забеременеть.

Я взяла ножницы из жестяной банки и спрятала их в карман шорт.

У Пиппи округлились глаза.

– А ты когда-нибудь этим занималась? – непринужденно спросила она.

– Это больно. И что бы они там ни говорили, если ты родишь, тебя исключат из СНД и отошлют в Вернигероде, в богом забытую дыру.

Пиппи достала из кармана шорт пачку открыток с видами Дома матери в Лебенсборне. На одной из открыток была изображена окруженная деревьями терраса с флагами СС и склонившаяся над плетеной колыбелькой нянечка.

– Говорят, там как на каникулах. И все самое лучшее. Мясо. Натуральное масло...

– Может быть, но отец привлечен не будет. Как только ребенок появляется на свет, его забирают у матери и отдают на воспитание чужим людям.

– Герта, умеешь ты навести тоску, – проворчала Пиппи и принялась, как веером, обмахиваться открытками.

Закончив с уключинами, парни встали у лодки – руки в карманы. Я пыталась тянуть время и дожидаться, когда они уйдут, но в итоге нам все равно пришлось выйти из мастерской.

Мы с Пиппи бок о бок пошли по тропинке к нашему домику. Оглянувшись, увидели, что парни идут за нами, причем быстро, явно хотят догнать. Пиппи закусила губу и улыбнулась.

Я потащила ее за руку:

– Быстрее.

Парни все прибавляли шагу, а мы свернули к лесу. Я сошла с тропинки и рванула через вересковые заросли, Пиппи отстала. Ножницы в кармане укололи ногу, и я почему-то чувствовала из-за этого прилив энергии.

Подбежав с тыла к заброшенному домику у быстрого ручья, я присела на корточки на мшистом берегу и постаралась отдышаться. Потом осмотрела рану на бедре. Рана была поверхностная, но сильно кровоточила. Несмотря на шум воды, я услышала, как парни схватили Пиппи.

– Вы так быстро бегаєте, – со смехом сказала она.

Вся троица зашла в домик, а я придушила в себе зависть. Каково это – целоваться с таким красивым парнем? Обязана ли я доложить руководству, если Пиппи не устоит перед искушением?

– Ты так хорошо целуешься, – проворковала Пиппи.

Я услышала, как заскрипели пружины кровати. Снова девичий смех, а потом стон парня.

А где второй? Наблюдает?

Пиппи вроде почувствовала неловкость и начала немного сопротивляться. Я слышала их громкое дыхание.

Как она может?

– Тебе лучше раздеться, – сказал парень.

– Здесь так грязно, – отозвалась Пиппи.

Я сидела не двигаясь, меня мог выдать любой шорох. Пиппи, похоже, все это нравилось, но спустя какое-то время ее настроение изменилось.

– Нет, пожалуйста, не надо, – попросила она. – Мне пора возвращаться...

– Это нечестно, ты уже разрешила...

– Ты делаешь мне больно, – сказала Пиппи и закричала: – Герта!

Друзей надо выручать. Но я ведь ее предупредила. Почему она не стала меня слушать? Отсутствие дисциплины – вот ее слабая сторона.

– Помогите! – кричала Пиппи. – Кто-нибудь, на помощь!

Я понимала, что, если попытаюсь выручить Пиппи, сама окажусь в опасности, но все равно не могла оставить ее в такой ситуации. Сжав в руке тяжелые холодные ножницы, я крадучись, в полумраке поднялась по прогнившим ступенькам на крыльцо.

Дверь с проволочной сеткой валялась на полу, так что обстановка в доме хорошо просматривалась с порога. Возле одной стены были вертикально составлены несколько ржавых кроватей. На единственной, которая стояла горизонтально, лежала Пиппи. Кровать была прогнутая, а матрасная ткань рваная и вся в пятнах. На Пиппи лежал один из парней, его бледно-голубой зад, гладкий и крепкий, ходил вверх-вниз. Пиппи плакала. Второй парень, брюнет, стоял в изголовье кровати и держал ее за плечи.

Я перешагнула дыру в полу и вошла в дом.

– Прекратите немедленно.

Брюнет, увидев меня, оживился, вероятно, решил, что тоже появился шанс поразвлечься. Я замахнулась ножницами. В темном помещении сверкнула тусклая сталь.

– Она серьезно, – удивился брюнет и отпустил Пиппи.

Блондин, почувствовав, что может лишиться добычи, с удвоенной энергией набросился на девушку.

Я подошла ближе.

– Слезь с нее.

– Идем отсюда, – заволновался брюнет.

Блондин слез с Пиппи, подобрал с пола шорты, и они вместе с приятелем, держась на безопасном расстоянии от моих ножниц, вышли из дома. Пиппи лежала на кровати и тихо плакала. Я сняла шейный платок и положила его на кровать.

– Можешь им подтереться, – бросила я и вышла из дома, убедиться в том, что парни ушли.

К счастью, они и не думали возвращаться. Спустившись к ручью, я оттянула прядь волос, отстригла и сразу почувствовала, как спадает напряжение во всем теле. Так прядь за прядью я стригла волосы, пока не подравняла все до длины меньше большого пальца. Я бросала волосы в ручей и смотрела, как они плывут вниз по течению, скользят по камням и исчезают в темноте.

Затем помогла Пиппи добраться до нашего домика. Она всю дорогу плакала, благодарила меня за спасение и каялась в том, что не послушала моего совета. И еще пообещала написать, как только вернется домой в Кёльн.

Пиппи забрали родители на следующий день. Судя по резкости их манер, сделали они это без особого удовольствия. Я проводила Пиппи, она махала мне в заднее окно родительской машины. Моя единственная подруга уехала.

Весь оставшийся срок пребывания в лагере я держала ножницы под рукой. Но фокус с волосами сработал, и парни оставили меня в покое. Когда смена закончилась, половина девушек из моего отряда уехали домой, скрестив пальцы в надежде, что не забеременели. Мои яйцеклетки, к счастью, остались неплодотворенными.

Глава 4

Кэролайн

1939 год

После вторжения Гитлера в Польшу царящие во всех консульствах Нью-Йорка предчувствия надвигающейся опасности превратились в панику чистой воды и захлестнули наш офис. Да еще Вашингтон расширил ограничения на получение виз, и попасть в Америку из Европы стало почти невыполнимой задачей. Франция тоже ввела ограничения. К ноябрю некоторые, чтобы оказаться первыми в очереди, несмотря на холод, ночевали в спальнях мешках под окнами нашего офиса. Часто к моменту открытия очередь из граждан Франции, жаждущих скорее отбыть на родину, змеилась от нашей приемной через весь холл.

Моя закадычная подруга Бетти Мерчант для визита с пожертвованиями выбрала серый день в конце ноября. Я попросила Пиа приготовить нам чай, который в результате так и не был приготовлен. Бетти в костюме букле цвета индиго от Скиапарелли, в шляпке с алыми и синими перьями и со свернутой в трубочку газетой под мышкой с трудом пробилась в мой кабинет. В одной руке она держала старый свадебный подарок от пары из Нью-Джерси – денежное дерево из шестидесяти долларовых купюр, которые были сложены в форме маленьких вееров и закреплены на деревянном основании. В другой руке у нее покачивалась пирамида из сложенных одна в другую обувных коробок.

– Это для твоих французских детишек. – Бетти поставила денежное дерево на бювар у меня на столе. – Можно закупить консервированного молока.

Приход подруги – всегда радость, но я выбивалась из графика, да и папок с делами был просто завал. По французской традиции наш офис закрывался на ланч с двенадцати тридцати до трех. В это время я ела за рабочим столом консервированного тунца и собиралась с силами перед послеобеденным навалом.

– Спасибо, Бетти. Рада тебя видеть, но...

– И, как обещала, обувные коробки. Я подобрала французские, чтобы детишки почувствовали себя как дома.

Бетти была равнодушна к обуви, и благодаря этой слабости я знала, что поток коробок для моих посылок никогда не иссякнет.

Подруга закрыла дверь в кабинет.

– Это от мисс Большие Уши в приемной, – пояснила она.

– Пиа?

– Ты не знала? Она всегда подслушивает. Не терпится узнать, куда мы пойдем на ланч.

– Извини, у меня дел невпроворот, и я не голодна.

– Прямо ни крошки проглотить не можешь? Мартини – лучшее средство, мигом аппетит разбудит.

– Как я могу уйти на ланч, когда в приемной ждет толпа народу! У меня сейчас была пара из Лиона, дочь во Франции, они с июня не получали от нее вестей. Оба рыдали.

– Кэролайн, я, честно, не понимаю. Ты – волонтер и не можешь уйти на ланч.

– Я нужна этим людям.

– Этот парень-лифтер, Кадди? Может, мне его в «Двадцать одно» пригласить? Мужчина в униформе... в этом что-то есть.

Бетти посмотрелась в компактное зеркальце. Не обнаружив ни одного изъяна, разочарованно пожала плечами. Бетти часто сравнивали с Ритой Хейворт – из-за пышных волос и форм, при виде которых старик в кресле-каталке впервые за много лет смог встать и пойти

своими ногами. Она не всегда была самой красивой в компании, но от нее трудно было оторвать взгляд. Как от крушения поезда или танцующего медведя.

– Тебе нужно сменить обстановку. Предлагаю сыграть на пару партию в бридж.

– Бетти, я не могу. Здесь просто сумасшедший дом какой-то. Гитлер наступает, и половина французов пытается вырваться из страны, а вторая – мечтает вернуться. Мне надо собрать шестьдесят посылок. Если хочешь, можешь помочь.

– Я люблю французов. Как, впрочем, и ты. Вчера видела твоего ухажера для перерывов. В театр как раз шел.

За окном падали редкие снежинки.

У нас в Коннектикуте тоже уже снег выпал?

– Он мне не ухажер.

Увы, это так и было, хотя мы часто встречались в ту осень и в начале зимы. Он заходил в консульство перед репетицией, и мы в любую погоду поднимались в сад на крыше Френч-билдинг и делили на двоих ланч из бумажного пакета.

– Вот для него ты время находишь. Мама говорила, что видела, как вы заходили в «Сорди». «Ланч тет-а-тет с высоким европейцем». Это ее слова. Весь город об этом судачит. Похоже, он теперь твой лучший друг. – Бетти бросила на стол газету. – В «Пост» о вашей парочке расписали. Ты хоть знаешь, что по опросу журнала «Физическая культура» его выбрали самым красивым мужчиной года?

Меня это не удивило, я даже почувствовала себя польщенной. Кто вообще участвует в подобных опросах?

– Только один ланч, – пробормотала я. – Правда. Передала ему записи для его шоу...

Бетти наклонилась ко мне через стол:

– Кэролайн, ты заслужила любовника. Просто делай это по-тихому. Он обязательно должен быть артистом? Или таким, скажем, публичным? Я понимаю, ты еще не отошла после Дэвида. Если бы я знала, что мой братец...

– Бетти, это все в прошлом.

– Я могу решить твои проблемы, но запятнанную репутацию не отмоешь. Эвелин Шиммерхорн просто ужасная. Из дома выйти не может.

– Не могла бы ты оставить ее в покое? Меня не волнует мнение других людей.

– Будет волновать, когда перестанут приглашать на посиделки. Почему ты не желаешь, чтобы я тебя сосватала? Да, Дэвид – мой брат, но у него, видит бог, недостатков хватает. Тебе без него лучше, и не стоит связываться с каким-то французом, только чтобы ему досадить. Знаешь, у каждого мужчины в голове есть образ женщины, с которой он готов связать свою жизнь. Нам просто надо найти мужчину, у которого в голове твой образ.

– Тебе что, больше нечем заняться?

Я всегда могла положиться на Бетти с самого первого дня в школе Чапин¹⁰, которая в ту пору уже была школой совместного обучения. Тогда один мальчик на уроке французского назвал меня «le gigaфон», а Бетти за это отдала ему ногу пяткой белого детского ботинка.

– Дорогая, будь моя воля, я бы вас с Полом голышом усадила на Крайслер-билдинг. Но я пытаюсь тебя защитить.

Потом, к моему громадному облегчению, Бетти вспомнила, что ей надо бежать. Я проводила ее в приемную, где она поставила денежное дерево на стол Пиа.

– Надеюсь, вы не ждете, что я это депонирую. – Пиа с сигаретой в руке откинулась в кресле.

¹⁰ Мария Боуэн Чапин открыла школу для девочек в 1901 г. Позже в школу стали принимать и мальчиков. Школа существует до сих пор.

– Представляю, как ты будешь смотреться на Пятой авеню. Кстати, Пиа, дорогая, ты носишь лифчик?

– Надо говорить «бюстгальтер».

Бетти бросила ей на стол доллар.

– Вот, возьми, купи себе бюстгальтер. В детском отделе они дешевле.

Как раз когда подруга пошла к выходу, из лифта вышел Пол с коричневым бумажным пакетом в руке и придержал для нее дверь.

Бетти одарила меня взглядом «я тебе говорила» и пошла своей дорогой.

В тот день Пол пришел, чтобы уладить с Рожером свои визовые проблемы, а я посчитала нужным присутствовать при их разговоре и протиснулась следом за ним в кабинет. Мне казалось, что, если я продемонстрирую свою поддержку Полу, Рожер непременно поможет ему остаться.

Рожер установил у себя в кабинете шкаф-кровать и с утра еще ее не поднял. Судя по тому, что простыни были скомканы, как использованные бумажные салфетки, сон у Рожера явно выдался беспокойным.

– Я должен вытащить Рину из Франции, – сказал Пол.

Рожер достал из ящика в столе электробритву и положил ее на бювет.

– Можно попробовать. Визы в Штаты – нарасхват. Вы видели очередь. Даже граждане Франции с визами США не могут выехать. Слишком мало кораблей.

– У Риной отец – еврей, это все усложняет? – спросил Пол.

Я подошла к кровати и начала расправлять простыни.

– С тех пор как Вашингтон за одни сутки изменил иммиграционные квоты, все стало гораздо сложнее, – ответил Рожер.

– Она согласна и на туристическую визу.

Рожер с силой задвинул ящик.

– Кэролайн, не могла бы ты отойти от моей кровати? Пол, каждый в очереди перед офисом согласен на туристическую визу. Рине надо найти двух поручителей.

– Я могу стать поручителем, – сказала я и взбила подушку Рожера.

Это что – помада? Тон красный, как у девочек из «Рокеттс».

– Спасибо, Кэролайн, – с улыбкой поблагодарил Пол.

– Кэролайн, почему бы тебе не помочь Пиа в приемной? – предложил Фортье.

Я подоткнула края одеяла под матрас.

– Рина забронировала билет на пароход? – спросил Рожер.

– Да, но без визы срок на бронь истек. Как только у нее будет виза, она снова бронирует. Фортье начал бриться. Если бы он не держал бритву в офисе, уже давно бы зарос до ушей.

– Я ничего не обещаю. Со дня на день ждем очередных ограничений по визам.

– Опять?

– Вы же знаете, это не я решаю.

Я подняла кровать и закрепила ее в шкафу.

– А мы не можем упростить процедуру? Это же несправедливо. Пол – выдающийся гражданин Франции, посол мира...

– Кэролайн, перед Госдепартаментом США я бессилён. Так далеко продвинуться поможет только ящик шампанского.

– Я мог бы вернуться во Францию в качестве гостя, – предложил Пол.

– Если вернешься, то уже навсегда, – бросил Рожер.

Я подошла к креслу Пола:

– Почему не подождать до весны?

– Весной ситуация кардинально изменится, – ответил он.

– На вашем месте я бы поехал сейчас. Если вы это серьезно, – посоветовал Рожер.

Пол выпрямился в кресле:

– Разумеется, я серьезно.

Мне показалось это странным. Я два раза давала ему анкеты на повторный въезд, и оба раза он их терял. Не то чтобы я желала его отъезда, но...

– Тогда вы должны подать заявление, – напомнил Рожер.

– Могу заполнить за тебя анкету, – предложила я.

Пол пожал мне руку.

– Вы, вероятно, очень хотите увидеть жену, – буркнул Фортъе.

– Естественно, – отозвался Пол.

Рожер встал:

– Решать вам, но, если Гитлер нападет на Францию, а вы все еще будете в своем номере в Волдорфе, о возвращении можете забыть.

Встреча закончена. Пол тоже встал.

– Кэролайн, задержись, пожалуйста, на минуту, – попросил Рожер.

– Увидимся наверху, – бросил Пол и отправился в сад на крыше.

Рожер закрыл за ним дверь.

– Надеюсь, ты понимаешь, во что ввязываешься.

– Я выступаю поручителем десяти заявителей...

– Ты знаешь, о чем я. О вас с Полом.

– Между нами ничего нет, – возразила я.

Сохраняй спокойствие. С уставшим Рожером лучше не связываться.

– Если бы не ты, Пол уже давно бы уехал. Я вижу, что происходит.

– Рожер, это нечестно.

– Неужели? Кэролайн, у него семья. – Рожер взял со стола папку Пола и полистал. – Разве не странно, что он не торопится вернуться?

– Его новое шоу...

– Важнее жены?

– Я думаю, они, ну, что ли... отдалились друг от друга.

– Так, началось. – Рожер швырнул папку на стол. – Пиа говорит, вы двое обедаете в саду на крыше.

– Не стоит преувеличивать. – Я шагнула к двери.

Это он еще не знал, что мы с Полом исходили весь Манхэттен. Ели чоп-суи¹¹ на Макдугал-стрит в Гринвич-Виллидж. Прогуливались по Японскому саду в Проспект-парке.

– Кэролайн, послушай, я понимаю, ты одинока...

– Обойдемся без оскорблений. Я просто пытаюсь быть полезной. Будет несправедливо, если они с Риной пострадают. Вспомни о том, что сделал Пол, чтобы помочь Франции.

– Я тебя умоляю. Ты же хочешь, чтобы я выгнал Рину, потому что тогда он сможет остаться. А что дальше? Кэролайн, третий лишний. Угадай, кто этот третий? Он должен вернуться во Францию и таким образом исполнить свой гражданский долг.

– Рожер, мы должны поступить правильно.

– Мы ничего не должны! Будь осторожна в своих желаниях.

Я переступила забытый на полу шар для петанка¹² и поспешила в свой офис. Пол еще ждет или уже ушел?

¹¹ Рагу по-китайски.

¹² Провансальский национальный вид спорта. Игроки двух команд на площадке размером 15 × 4 м по очереди бросают металлические шары, стараясь как можно ближе положить свой шар рядом с маленьким деревянным шаром – кошонетом.

Слова Рожера не шли у меня из головы. Может быть, меня влекло к Полу? Я надеялась, что Бетти была права, когда рассказывала о женских образах в мужских головах. Нравился ли Полу мой образ? В жизни были вещи и поважнее.

Мы были завалены работой, но мама настояла на том, чтобы я поработала волонтером на *thé dansant*¹³, который она с друзьями организовала в «Плазе». На случай если вы никогда не бывали на *thé dansant* – это такое давно вышедшее из моды мероприятие, где приветствуются танцы и подаются легкие закуски.

В тот день я бы предпочла оказаться на тысяче других мероприятий, но мамин *thé dansant* был организован в пользу белых русских – дворян, которые поддерживали царя во время Гражданской войны в России и теперь жили в изгнании. Помощь аристократам-изгнанникам долгие годы была маминой любимой заботой, и я просто не могла ей отказать.

Мама арендовала большой банкетный зал в «Плазе» с интерьером в стиле неорококо, один из лучших в Нью-Йорке, с зеркальными стенами и хрустальными люстрами, а для музыкального сопровождения наняла оркестр русских балалаечников.

Шесть музыкантов, когда-то игравших при царском дворе, с треугольными трехструнными балалайками на коленях сидели на платформе возле стены. Все во фраках, и каждый – словно кол проглотил. Они ждали, когда мама подаст знак. Музыкантам мирового класса по статусу не подобало играть на такого рода мероприятиях, но мне показалось, что они были рады получить эту работу.

Хостес и члены маминого комитета, которых она сумела привлечь, и несколько моих подруг из Лиги юниоров расхаживали по залу в традиционных русских платьях. Мама даже вечно недовольную Пиа уговорила к нам присоединиться.

Я никому, за исключением коллег-хостес, не рассказала о том, что буду принимать участие в этом мероприятии. Мне даже подумать было страшно, что кто-то увидит меня в таком наряде. Как актриса, я могла с удовольствием вырядиться во что угодно, но это было просто катастрофой. Представьте: сарафан – длинное черное платье-трапеция, – отороченный яркими красными и зелеными лентами, и белая блуза с рукавами-буф, украшенными вышитыми шерстяной нитью цветами. Плюс к этому мама настояла на том, чтобы мы надели на голову кокошники. Кокошник – невообразимо высокий головной убор, украшенный самоцветами, стразами и длинными нитками речного жемчуга. Я и без того была достаточно высокой, но в этом головном уборе с бахромой из жемчугов и вовсе напоминала Эмпайр-стейт-билдинг, только чуть пониже.

Для пожертвований мама установила на столе у входа в зал пустую чашу в русском стиле, с позолотой и эмалью. Она положила ладонь на мой вышитый рукав. Я сразу почувствовала волну чудесного аромата. Мамин друг, принц Мачабели, грузинский националист, придумал эти духи специально для нее. В них чувствовались любимые мамой нотки сирени, сандала и розы. Принц и его супруга, актриса принцесса Норина, присылали маме все свои новые ароматы, и в результате на ее туалетном столике образовался целый городок из цветных флаконов в форме короны с навершием в виде креста.

– Публики будет немного, – пробормотала мама. – Я это чувствую.

Мне не хотелось ей об этом говорить, но такой исход нашего *thé dansant* был неминуем. Американцы все больше склонялись к изоляционизму. Результаты опросов показывали, что наша страна еще не оправилась от огромных потерь в Первой мировой войне и от Великой депрессии и поэтому не хотела ввязываться в новый международный конфликт. Ньюйоркцы не горели желанием участвовать в благотворительном мероприятии, которое было организовано в пользу кого бы то ни было за пределами наших сорока восьми штатов.

¹³ Вечер с танцами.

– Мама, с началом войны в Европе твои белые русские сдали свои позиции на фронтах благотворительности.

– Да, если подумать о бедных европейцах, которым пришлось покинуть свой дом, – с улыбкой проговорила мама.

Она смотрела на перспективы заняться благотворительностью, словно какой-нибудь любитель сладостей на тарелку с пирожными.

В зале появился наш повар Серж в поварском колпаке гармошкой и в обсыпанном мукой кителе. Он бережно нес серебряную чашу с политым черничным сиропом творогом. Творог – это русское крестьянское блюдо. Серж, урожденный Владимир Сергеевич Евтушенков, происходил из российских дворян, но мама в этом всегда сомневалась. Он жил с нами и вполне мог бы сойти за моего брата, только намного младше, который говорит с жутким акцентом и все свое время тратит на придумывание новых блюд, чтобы произвести впечатление на нас с мамой.

Появление Сержа спровоцировало активность Пиа, она плавно, как крокодил соскальзывает в воду, подошла к нам с хрустальной чашей для пунша в руке.

– Серж выглядит очень аппетитно, – заметила Пиа.

Серж покраснел и вытер ладони о фартук. Долговязый и рыжий, он мог бы закадрить любую девушку в Нью-Йорке, но врожденная патологическая застенчивость удерживала его в кухне, где он предавался тихой радости запекания крем-брюле.

– Мама, возможно, не стоило арендовать зал в «Плазе», – сказала я.

Вероятность того, что зал площадью четыре тысячи квадратных футов заполнит желающая весело провести время публика, стремилась к нулю. Я украдала с подноса хачапури, это такой нарезанный треугольниками масляный хлеб.

– Но ты дала объявление в «Таймс», люди должны прийти.

Мамин оркестр с чувством заиграл версию русской народной песни «Липа вековая», абсолютно несовместимую с любым танцевальным шагом.

Мама схватила меня за руку и оттащила в сторону.

– Мы продаем русский чай и сигареты, но ты к ним не прикасайся. Пиа говорит, ты их куришь со своим французским другом.

– Он не...

– С кем встречаться – это твое личное дело, но мы должны собрать деньги.

– Я знаю, что ты не одобряешь Пола, но мы просто друзья.

– Кэролайн, ты не на исповеди, но мы обе знаем, что собой представляют театральные люди. Особенно женатые артисты вдали от дома. Ты – женщина, тебе тридцать пять...

– Тридцать семь.

– Ты не нуждаешься в моем одобрении, но, если спросишь, я скажу, что в оркестре найдется пара музыкантов, которые могут составить хорошую партию. – Мама склонила голову в сторону балалаечников. – Русские аристократы.

– Им всем за шестьдесят.

– Дорогая, разборчивая птичка остается без корма.

Мама удалилась привлекать пожертвования, а я занялась последними штрихами по подготовке зала к *thé dansant*. И вот когда я, стоя на стремянке, направляла прожектор на оркестр и чувствовала себя при этом выставленной на всеобщее обозрение, в зал вошел Пол.

И сразу направился к стремянке.

– Рожер сказал, что я найду тебя здесь.

Великолепный зал был Полу к лицу – кремовые с золотом стены и красавец-брюнет. Меня накрыла волна *la douleur* – одно из многих французских слов, смысл которого сложно передать на английском. Означает «острая боль от невозможности обладать тем, кого желаешь получить».

– Просто чудесно, – буркнула я, спускаясь со стремянки и покачивая нитями речного жемчуга. – «Мог хотя бы улыбку сдержать».

– Я, вообще-то, в театр иду, но мне нужна твоя подпись на заявке на визу для Рины. Если тебе сейчас неудобно...

– Конечно удобно.

К нам подошла мама, и оркестр заиграл живее.

– Мама, позволь тебе представить – Пол Родье.

– Рада с вами познакомиться, – сказала мама. – Я слышала, вы заняты в «Улицах Парижа».

Пол одарил маму одной из своих неотразимых улыбок:

– Один из сотни, не более.

Но ему не удалось сразить маму. Для непосвященного она была воплощением радушия, но я не один год наблюдала за ней в светском обществе и могла уловить холодок.

– Извините, но я должна проследить за тем, чтобы принесли свежие хачапури. Похоже, кое-кто уже все съел.

– Хачапури? – заинтересованно переспросил Пол. – Обожаю хачапури.

– Боюсь, это для гостей, которые платят, – отрезала мама. – Но похоже, сегодня таких будет немного.

Пол слегка поклонился маме. С ней он держался очень почтительно.

– Леди, прошу меня извинить, я должен идти.

Пол улыбнулся мне и ушел тем же путем, что и пришел.

«Так скоро?» – мысленно простонала я, а вслух добавила:

– Отличная работа, мама, спроварила нашего единственного гостя.

– Эти французы бывают такими чувствительными.

– Ты не можешь рассчитывать на то, что здесь кто-то задержится. Ньюйоркцы скорее умрут, чем станут есть творог. И знаешь, для привлечения публики неплохо было бы предложить гостям алкоголь.

– В следующий раз будем продавать венские сосиски с фасолью. Если бы ты была устроителем, все закончилось бы пикником с бутылкой кукурузного виски на столе.

Я переключилась на оформление зала и стала помогать ворчливой Бетти развешивать над дверями гирлянды из хвойных веток. За этим занятием я мысленно составляла длинный список дел, которые не успевала сделать. Отчеты для Рожера. Мои посылки.

И почему мама такая упрямая? Пора бы уже адаптироваться к двадцатому веку.

Я почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась, и да – мне подмигнул самый старый балалаечник в оркестре.

Спустя час даже мама признала поражение. Нашими единственными потенциальными клиентами были гости «Плазы» – парочка из Чикаго по ошибке забрела в зал и тут же выскочила, как будто мы являли собой колонию нудистов.

– Да, это провал, – констатировала мама.

Я потянула гирлянду со стены:

– Я тебе говорила...

Закончить я не успела – в холле снаружи поднялся такой галдеж, что мы уже не могли слышать друг друга. Двери распахнулись, и в зал хлынула разношерстная толпа, в которой можно было увидеть представителей всех ступенек социальной лестницы. Все были ярко накрашены и одеты по моде двадцатых годов. Женщины с холодной завивкой и в двойках¹⁴. В платьях с заниженной талией и прической боб, как у Луизы Брукс. Роскошные красотишки со стрижкой под мальчика а-ля Жозефина Бейкер, в расшитых бусами и стразами атласных пла-

¹⁴ Кардиган и джемпер из одинаковой шерсти

тях. Мужчины в старомодных костюмах и котелках. Замыкали толпу музыканты в смокингах со скрипками и саксофонами в руках. Мама замахала им, чтобы они присоединялись к оркестру. Мне показалось, что она от радости готова до потолка прыгать.

– У нас для всех приготовлены хачапури, – объявила мама. – Наша дорогая Пиа присматривает за вашими пальто.

И последним в зал вошел Пол.

– Боже, что здесь происходит? – удивился он, протискиваясь мимо двух женщин в надвинутых на глаза шляпках «колокол», которые тащили на себе барабанную установку.

– Думаю, ты в курсе. Как тебе удалось привести сюда всю труппу? – Разумеется, я всех их узнала.

– Ну ты же знаешь театральный народ. Мы все уже были в костюмах, и тут у Кармэн разыгралась мигрень. Дневное представление отменили, и мы свободны до первого звонка в шесть вечера.

Музыканты из оркестровой ямы «Улиц Парижа» присоединились к оркестру маминых друзей и быстро выяснили, что «Love is Here to Stay» может послужить прекрасным мостиком между народами. Публика, как только узнала мелодию, высыпала на танцпол. Женщины танцевали фокстрот и свинг с женщинами, мужчины с мужчинами.

Мама ринулась к нам, на бегу поправляя прическу.

– Какие симпатичные люди, правда? Я знала, что мы в конце концов привлечем публику.

– Это все Пол. Эти люди из его шоу. Вся труппа.

Мама растерялась, но только на секунду, потом повернулась к Полу:

– Что ж, Американский центральный комитет помощи русским благодарит вас, мистер Родье.

– У меня есть шанс принять благодарность в виде танца? Мне еще не приходилось танцевать под Гершвина на балалайках.

– Мы не можем лишить вас такого шанса, – отозвалась мама.

Как только новость о появлении знаменитого Пола Родье просочилась за двери банкетного зала, все гости отеля устремились на наш *thé dansant*, и Сержу пришлось три раза выносить новые порции творога. Очень скоро я смогла-таки избавиться от своего головного убора, все отлично проводили время, включая маминых друзей-музыкантов – они принесли с собой русскую водку и добавляли понемногу в чай со льдом.

Когда Пол уходил, его карманы были набиты русскими сигаретами, которые насильно всучила ему мама, а чаша для пожертвований была полна до краев.

Мама остановилась возле меня, чтобы отдышаться между танцами.

– Дорогая, можешь заводить друзей среди французов, сколько твоя душа пожелает. Я так соскучилась по театральным людям, а ты? Смена обстановки всегда так освежает.

Пол помахал мне перед уходом, *thé dansant* удался, пришло время уводить людей в театр к вечернему представлению. Его доброта сильнее всего отразилась на маме. После смерти отца она еще никогда так не танцевала.

Могла ли я отплатить ему неблагодарностью?

Бетти права, Пол был моим лучшим другом.

Глава 5

Кася

1939 год

Эсэсовец резко опустил лопату на Псину, мама вскрикнула. Из горла Псины вырвался короткий жутковатый клекот, и она затихла, только лапы продолжали скрести по твердой земле. Несколько желто-коричневых перьев взлетели в воздух.

– Вот так мы поступаем у себя дома, – сказал эсэсовец.

Он отбросил лопату, поднял Псину за перебитую шею и швырнул тощему солдату. Я старалась не смотреть, как она все еще дрыгает лапами в воздухе.

– Я забуду об этом, – проговорил эсэсовец, обращаясь к маме и вытирая руки носовым платком. – А вот вы запомните: укрывательство продуктов – серьезное преступление. Вам повезло, сегодня это было предупреждение.

– Да, конечно. – Мама держалась рукой за горло.

– Псина, – вырвалось у меня, и горячие слезы набежали на глаза.

– Слышали, – возмутился тощий солдат и перевернул Псину вниз головой. – «Псина» у поляков – это собака. Они назвали курицу собакой. Тупые поляки.

После этого они ушли, натоптав грязи у нас в доме.

Меня всю трясло.

– Мама, ты дала им убить Псину.

– А ты готова умереть из-за курицы? – отрезала мама, но я видела, что она едва не плачет.

Мы быстро прошли в кухню и стали наблюдать за тем, как немцы отъезжают в своем грузовике от нашего дома. Слава богу, сестра не видела всего этого.

Зузанна всю ночь работала в больнице и вернулась только на следующий день. Доктор Скала, директор больницы и преподаватель Зузанны, был знаменит своим методом по закрытию расщелины неба. Его арестовали, а Зузанне приказали покинуть больницу, потому как поляки не могут занимать важные должности. Я никогда не видела сестру такой. Она была просто в бешенстве, оттого что ее вынудили бросить больных, среди которых большинство – дети. Позже мы узнали, что нацисты еще в тридцать шестом составили списки поляков, подозреваемых в антигерманских настроениях, и даже поместили гигантскими крестами больницы, чтобы их пилоты могли видеть цели с воздуха. Неудивительно, что им удалось так быстро захватить то, что они хотели.

После трех дней допросов в гестапо вернулся папа. Его не били, но теперь он должен был работать на почте с раннего утра до позднего вечера. Мы обрадовались, что папа жив, а он рассказал нам о том, как тяжело смотреть на то, как нацисты вскрывают письма и посылки поляков и забирают себе все, что захотят. Вечером они посыпали территорию вокруг почты песком, чтобы утром можно было понять – не ходил ли туда кто ночью.

Скоро начало казаться, что в Люблин заявили вообще все нацисты. Наши немецкие соседи выходили на улицу и встречали их с цветами, а мы сидели дома. Русские войска остановились к востоку от нас, дальше Буга они не пошли.

В итоге мы застряли, как мухи, севшие на мед. Мы были живы, но не жили. Нам повезло, что нацисты перевели Зузанну работать в люблинский полевой госпиталь. Они мобилизовали всех докторов, мужчин и женщин. Зузанне выдали документы с ее фотографией и дюжиной штампов с черными нацистскими орлами. С этими документами сестра могла выходить из дома в любое время, даже после комендантского часа. Много наших знакомых поляков исчезало по ночам без всяких объяснений. А мы каждое утро, просыпаясь в собственных постелях, благодарили Бога за то, что все еще дома.

Как-то днем я сидела на кровати, закутавшись в плед, и занималась моим любимым домашним спортом – проходила тест в журнале «Фотоплей». Приятель Петрика расплачивался с ним за нелегальные товары американскими журналами, и я выучила их от корки до корки. В тесте говорилось, что, если влюбишься, почувствуешь щелчок, как будто пудреница закрылась. Я чувствовала этот щелчок каждый раз, когда видела Петрика. У нас всегда совпадали интересы – большая редкость, если верить этому тесту.

И вот в этот день ко мне зашел Петрик. Мне было так хорошо, что я даже не вникала в то, о чем он говорит. Я просто очень хотела, чтобы он задержался подольше.

– Ты посидишь со мной или тебе надо бежать?

Я вырезала из журнала фото Кэрол Ломбард. Она была вся в молочае, где-то в Лос-Анджелесе. Трудно чувствовать щелчок и одновременно вести себя как ни в чем не бывало.

Петрик подошел и сел рядом со мной на кровать. Матрас прогнулся.

– Нет, я ненадолго. Пришел попросить тебя помочь в одном деле. Это для Нади. – Он выглядел таким усталым и не брился уже несколько дней. – Ей надо на какое-то время скрыться.

Я вся похолодела.

– Что случилось?

– Не могу рассказать.

– Но...

– Нет, ради твоей же безопасности. Но ты должна мне верить. Есть те, кто хочет все изменить.

Я ни секунды не сомневалась в том, что Петрик связан с подпольщиками. Пусть он мне ни о чем не рассказывал, но я была уверена, что после прихода нацистов Петрик одним из первых вступил в подполье. Эти встречи поздно вечером. Исчезновения на целый день без всяких объяснений. Мой друг не ходил в больших черных ботинках, как некоторые ребята из подполья. Они не понимали, что эти самые ботинки делают их легкой мишенью для немцев. Он участвовал в подполье по-настоящему.

Я только надеялась, что это не так очевидно для эсэсовцев. Большинство из нас бойкотировали приказы немцев и саботировали все, что могли саботировать, но отечественная армия, она же Армия Крайова, или АК, действовала всерьез. Правда, вначале она представляла правительство Польши в изгнании в Лондоне и не называлась официально АК. Наше правительство передавало для нас информацию по Би-би-си и по польскому радио «Свит» и еще через все семнадцать подпольных люблинских газет.

– Кася, если хочешь помочь, ты можешь сделать для меня одну очень важную вещь.

– Все, что угодно.

– Когда Надя с мамой ушли, им пришлось оставить дома Фелку. Нацисты жуткие вещи делают с домашними животными евреев. Ты можешь пойти и забрать ее?

– А где Надя? Я могу с ней увидеться?

Меня больше не волновало, влюбились Петрик с Надей друг в друга или нет, я лишь хотела, чтобы с ними не случилось ничего плохого.

– Их чуть не арестовали, просто повезло, что они с мамой успели вовремя сбежать. Это все, что я могу тебе сказать.

– Из-за того, что они евреи? Но Надя ведь католичка.

– Она – да. Но ее дед был евреем, а это ставит ее под удар. Наде надо укрыться на время. С ней все будет хорошо, а вот с Фелкой сейчас плохо. – Петрик взял меня за руку. – Ты можешь? Возьмешь Фелку к себе?

– Ну конечно возьму.

– И еще. Мама Нади оставила кое-что в тумбочке у кровати. Она спрятала это в телефонном справочнике. Желтый конверт.

– Ну, не знаю, Петрик. Надина мама всегда дверь запирает.

– Задняя дверь осталась открытой. Тебе надо взять этот справочник с конвертом. Ты мне очень дорога, и я ни за что не стал бы тебя об этом просить, но больше некого.

– Да, конечно, ты же знаешь, я все сделаю, – произнесла я вслух, а тем временем в голове крутилось: «У него слезы на глазах или мне кажется?» «Ты мне очень дорога»?

Петрик взял мою руку и поцеловал ладонь. У меня было такое ощущение, что я вот-вот растаю, превращусь в лужицу и протеку через дощатый пол в подвал. На секунду даже забыла обо всем ужасе, который происходил вокруг.

– Завтра утром сразу после десяти принеси справочник в двенадцатый дом по Липовой улице. Позвонишь в звонок. Тебя спросят: «Кто там?» Ответишь: «Ивона».

– Это мое кодовое имя?

Ивона – это тисовое дерево. Мне хотелось что-нибудь более сексуальное, например Гражина, это значит «прекрасная».

– Да, это твое кодовое имя. Виола тебя встретит. Ты просто передашь ей справочник и скажешь, что это для Конрада Жегота. После этого уходи, но домой иди через Людовый парк.

Уже потом, прокручивая в голове этот разговор, я не была так уверена, что Петрик действительно сказал: «Ты мне очень дорога». Но может, тест для влюбленных в «Фотоплей» был не так уж далек от истины.

На следующее утро я отправилась к Наде домой, в их чудесную квартиру на первом этаже двухэтажного дома в пяти минутах ходьбы от нашего.

Мне очень хотелось на задании Петрика проявить себя как настоящий подпольщик.

По пути я остановилась у стены неподалеку от дома Нади. В этой стене был тайник, где мы оставляли друг для друга секретные записки и любимые книжки. Я достала камень, за которым был тайник. Края камня за все годы, когда мы доставали его и ставили обратно, обтесались. В тайнике лежала книжка Корнеля Макушинского «Сатана из седьмого класса». Мы много раз обменивались этой книгой. Будет ли у Нади шанс заглянуть в наш тайник? Я не стала трогать книжку и поставила камень на место.

Дальше я шла совершенно спокойно, а вот ближе к дому Нади задергалась. Когда я увидела знакомую оранжевую дверь, у меня начали дрожать колени.

Дыши глубже. Вдох. Выдох.

Я обошла дом и заглянула во двор через щель между досками невысокого забора. На заднем крыльце, свернувшись калачиком, лежала Фелка. Я даже через густую шерсть хорошо видела выпирающие ребра. Маленький, меньше нашего, двор Нади был весь усажен розовыми кустами, и единственным его украшением была ржавая детская коляска.

Я легко перелезла через забор и подошла к Фелке.

Может, она ждет Надю?

Когда я погладила Фелку по груди, собака попыталась завилить хвостом и с трудом приподняла голову. Она была теплой, но дышала прерывисто. Бедная девочка, наверняка изголодалась.

Переступив через Фелку, я открыла заднюю дверь и проскользнула в кухню.

Судя по виду яблочного пудинга, который остался на столе, Надя с мамой ушли из дома не меньше недели назад. Молоко в стаканах загустело, превратилось в настоящие сливки и манило мух. Я прошла через кухню в комнату Нади. Ее кровать, как всегда, была аккуратно застелена. В комнате Надиной мамы присутствовали следы поспешных сборов. Большую часть комнаты занимала металлическая, покрашенная в белый цвет кровать с пуховой периной. В изножье кровати лежало вышитое тамбуром покрывало, а в центре осталась вмятина от чемодана. На прикроватном столике – книжка «Унесенные ветром». На стене висели два гобелена с сельскими пейзажами, небольшое распятие и календарь, на котором была изображена элегант-

ная женщина с букетом желтых цветов. Она стояла на фоне паровоза, а поверху было напечатано: «ГЕРМАНИЯ ЖДЕТ ТЕБЯ». А еще на календаре была реклама туристического агентства миссис Ватроба: «Ватроба трэвел. Мы вас довезем».

Я достала из ящика прикроватного столика телефонный справочник и убедилась, что в нем есть конверт. Он оказался пухлым. Кто-то тонким, неразборчивым почерком написал на нем «Жегота». Конверт был заклеен, но сквозь бумагу просвечивали денежные купюры. Я взяла справочник и прихватила покрывало с кровати, потом прошла обратно в кухню и там стащила со стола плетенку сдобного хлеба. Хлеб был твердый как камень, но это не снижало его ценности.

На заднем дворе я переложила Фелку в коляску. Бедняжка даже не скулила. Я положила рядом с ней телефонный справочник и накинула сверху покрывало. По дороге на Липовую улицу, чтобы не наткнуться на патруль, я старалась держаться боковых улиц. Когда до места оставалось совсем чуть-чуть, я пошла быстрее, и коляска с грохотом запрыгала по брусчатке.

– И кто это у нас тут?

Неожиданно появившийся из переулка эсэсовец напугал меня до полусмерти. Я увидела у него за спиной девушку из моей гимназии, но она быстро отошла в тень. У меня так ослабли колени, что я чуть не упала.

– Просто иду домой, – сказала я по-немецки.

Слава богу, я знала немецкий, ведь по-польски говорить было запрещено.

– Так ты немка? – Эсэсовец приподнял своей полицейской дубинкой покрывало.

– Нет, полячка.

Офицер проигнорировал мой ответ и шагнул ближе к коляске.

– А это что? Дохлая собака?

У меня так громко колотилось сердце и шумело в ушах, что я его почти не слышала.

– Нет, больная. Надеюсь, это не заразно.

Эсэсовец быстро убрал дубинку.

– Не стой тут, отвези больное животное домой, – велел он и снова исчез в переулке.

Это была трудная дорога – к офису на Липовой я пришла вся взмокшая от пота. Фелку я оставила в коляске под одеялом, а сама поднялась на крыльцо. Ноги у меня дрожали, как мамино желе на рыбном бульоне. Я стала самой настоящей подпольщицей! Мне всего шестнадцать, но я враг нацистов. Осознав это, я почувствовала такой прилив сил! Расправила плечи, нажала звонок и постаралась вспомнить кодовое имя девушки, которая должна была забрать у меня посылку.

Виола.

– Кто там? – спросили из-за двери.

– Это Ивона.

Я оглянулась. По улице ехали машины и запряженные лошадьми телеги, шли по своим делам люди.

Ну скорее, Виола, стою тут у всех на виду, да еще с этим справочником!

Дверь открылась, я быстро вошла и закрыла ее за собой.

Девушкой с подпольным именем Виола оказалась Янина Грабовски, мы вместе были в скаутах. Она стояла, растопылив пальцы на обеих руках – красный лак на ногтях явно не высох.

– Извини, что сразу не открыла, – сказала Янина.

Я протянула ей телефонный справочник:

– Виола, это для Конрада Жеготы.

Крашенная в рыжий цвет, крепкая, как фермерша, Янина была неплохой девчонкой, но свою жизнь я бы ей не доверила. Она не заработала ни одного серьезного скаутского значка, например, за оказание первой помощи или по ориентированию, и все понимали, что значок за творчество она получила, потому что умела хорошо делать макияж.

Янина зажала справочник между ладонями.

– Спасибо, Ивона.

Явку организовали в многоквартирном доме. Высокие окна с видом на улицу прикрывали прозрачные белые занавески. Из мебели в комнате обнаружили только покрытый слоем пыли металлический стол и два легких стула. На столе стояла допотопная пишущая машинка, лежали прошлогодние модные журналы, а еще кто-то принес и поставил сюда же банку с золотой рыбкой. Она зависла на месте, шевелила плавниками и смотрела на меня с открытым, как будто от удивления, ртом. Казалось, даже она понимает, что офис не настоящий.

Янина небрежно бросила справочник на стол. На ее лице появилась ерническая улыбка, и она вдруг громко рассмеялась.

– Кася, то есть Ивона, надеюсь, ты не ждешь, что я буду делать морду лопатой? Это все так смешно.

Петрик выбрал для нее имя Виола. Виола – значит фиалка. Янине, высокой девице с запястьями толстыми, как ножки стола, такое имя совсем не подходило.

– Говори тише. Вдруг за нами следят?

Лампа под потолком казалась слишком яркой.

«Это специально, чтобы нас каждый нацист с улицы мог увидеть?» – возмущенно подумала я.

– Единственный нацист подошел к этому дому, увязавшись за Анной Садовски. Та переносила в лифчике гранаты. Всю дорогу с ней заигрывал. У некоторых девочек бывают веселые задания. – Янина шагнула ко мне и предложила: – Сыграем в картишки?

Картишки?!

– Там в справочнике деньги. Может, спрячешь куда-нибудь? Или хочешь, чтобы нас расстреляли?

– Да ладно тебе, оставайся. Я сделаю тебе прическу.

– Я должна вернуться домой до темноты.

Янина сцепила пальцы на груди:

– Начес?

Она работала на неполную ставку в лучшей люблинской парикмахерской.

– Петрик сказал, чтобы я сразу уходила.

– А у вас с ним шуры-муры?

– Мне надо идти...

– Все говорят, ты ему нравишься...

– Мало ли что болтают. Это все слухи. – Я быстро пошла к двери.

Янина взяла журнал и села на стол.

– И тебе совсем не интересно?

Я обернулась.

– Даже слухи, например, про Надю Ватроба?

Я шагнула обратно к столу.

– Что ты о ней знаешь?

Янина задумчиво посмотрела в потолок:

– Теперь ты решила задержаться.

– Надя – моя лучшая подруга.

– Неужели? – притворно удивилась Янина и принялась листать журнал.

– Слушай, хватит уже. Там на улице ждет ее собака. Она очень серьезно больна.

Янина захлопнула журнал.

– Фелка?

Надину Фелку все знали.

– Янина, если ты мне не расскажешь...

– Ладно, ладно. Я знаю только, что Петрик, то есть я думаю, что это он, укрыл Надю с ее мамой на безопасной квартире.

– Далеко?

– Точно, что в Люблине. Но больше ничего знаю.

– И больше ничего?

– Я слышала, что она прячется прямо под носом у нацистов.

Совершенно обалдев, я вышла из дома, спустилась с крыльца и отправилась домой через парк, как мне и велел Петрик.

Надя в безопасности!

Я как на крыльях летела с коляской домой и думала о том, как бы поскорее покормить Фелку.

Надя с мамой в Люблине!

Все, что я могла сделать для подруги, – это позаботиться о Фелке и продолжать работать на подполье.

В общем, мое первое задание, несмотря на все насмешки Янины, я выполнила. Стала ли я частью Сопротивления? Я передала посылку с деньгами и была готова хоть на следующий день дать присягу, чтобы стать подпольщицей по-настоящему.

На полпути к дому хлынул ливень, и мы с Фелкой вымокли до нитки.

«Тебе просто повезло, – ритмично чавкали мои туфли, – но не рассчитывай, что так будет всегда».

Глава 6

Герта

1939–1940 годы

В поезде по дороге домой из «Блюма» я постаралась забыть о лагере и мысленно сосредоточилась на том, как найти работу врача.

В дорогу я надела форму СНД и почти сразу об этом пожалела. Как было бы хорошо смотреть в окно на пролетающие мимо пейзажи и составлять в голове список клиник, которые следует посетить в поисках работы. Но, увы, такой возможности мне не представилось – каждый пассажир считал своим долгом остановиться и выразить восхищение моей формой.

– Фройляйн, можно я потрогаю вашего орла? – попросил маленький мальчик.

Он стоял прямо напротив меня – спина ровная, руки по швам, только слегка покачивался в ритм поезду. Рядом застыла его мама. Она приложила два пальца к губам и смотрела на меня так, как будто самого фюрера увидела.

Да, можно сказать, что быть представителем СНД обременительно, но в то же время форма вызывала уважение у людей и повышала самооценку. Мы, молодые, чувствовали свою силу.

– Хорошо, потрогай, – разрешила я.

Мальчик прикоснулся к моему значку так осторожно, будто к крылу бабочки, и у меня от умиления слезы навернулись на глаза.

Ничто не может растрогать больше, чем неиспорченное дитя Германии.

В том, что моя униформа привлекала всеобщее внимание, не было ничего удивительного: девушка с полным комплектом значков СНД – большая редкость. Гитлерюгенд – союз, в который принимались только мальчики. У них значками и нашивками награждали за любую активность, вплоть до пересадки горшечных растений, а у нас в СНД вариантов меньше, и, соответственно, получить значок было сложнее. Мой синий пиджак лидера украшали: Красный крест, серебряная пряжка медсестры и значки за мастерство в оказании первой помощи и физической подготовке.

Но предметом всеобщего внимания был золотой орел с расправленными крыльями, который крепился к пиджаку над сердцем. Это высший знак отличия лидера. Мама расплакалась, когда я в первый раз пришла домой с этим значком на груди. Из-за войны орел впечатлил ее куда больше, чем мой диплом об окончании медицинского института.

По возвращении домой я первым делом попыталась найти работу по специальности. К сожалению, даже притом что я была второй выпускницей на курсе, врачи частной практики не горели желанием нанимать меня. Видимо, риторика партии о том, что настоящая немка должна вести дом и растить детей, прочно засела в головах пациентов, и они предпочитали врачей-мужчин. А мне, выпускнице университета, после настоятельных рекомендаций пришлось закончить курсы рукоделия, и в итоге я подрабатывала шитьем.

Со временем мне все-таки удалось устроиться в кожную клинику в Дюссельдорфе. Там мне по минимальной ставке платили за каждого пациента. Работа скучная, если что и нарушало ежедневную рутину – это вскрытие фурункулов. Я начала опасаться, что утрачу приобретенные в институте навыки, ведь без постоянной практики хирург не может оставаться профессионалом.

К тридцать девятому году наша экономика заметно улучшилась, и это, соответственно, привело к уменьшению пациентов, которые нуждались в помощи дерматолога. Даже источник нашего надежного заработка – «руки судомойки» – перестал быть проблемой для большинства немецких домохозяек. Рейх поставлял с востока рабочую силу, и теперь судомойками труди-

лись полячки. В результате мой заработок превратился в сущие гроши. Состояние отца перешло из серьезной стадии в критическую, и мама вынуждена была сидеть с ним дома. Я стала единственной кормилицей в семье и очень скоро – единственным недоедающим доктором в Дюссельдорфе. Поэтому я продолжила работать неполный день в лавке дяди Хайнца.

После тишины леса в лагере «Блюм» и монотонной работы в клинике сутолока у входа в лавку и толчея у прилавка были неплохим развлечением. Хотя домохозяйки сами напоминали послушное стадо коров.

В лавке, чтобы отвлечься от своих проблем, я отрывала от рулона большие куски белой бумаги и обрабатывала хирургические узлы, завязывая бечевку на коробках.

Как-то в воскресенье, когда лавка была закрыта для покупателей, я пришла на работу. В этот день дядя вызывал только меня, чтобы никто не мог увидеть, чем мы занимаемся. Его специальный проект.

– Поторопись, – велел Хайнц. Он стоял, прислонившись к разрубочной колоде, которая просела от его топора, а еще раньше – от ударов топора его отца. То, что дядя возбужден, не мог скрыть даже затвердевший от высохшей крови фартук.

Как я могла вляпаться в такое? Годами боялась сказать хоть слово – вот как.

Хайнц наблюдал за тем, как я выбираю самую тугую из разложенных на столе кишок барашка. Для него ожидание было одновременно самой приятной и самой мучительной частью процесса. Я вывернула кишку, замочила ее в отбеливателе, а потом аккуратно, чтобы не повредить брюшину и мышечную ткань, удалила слизистую оболочку. Дядя меня подгонял, но я не спешила – любой случайный надрез или прокол мог обернуться катастрофой.

– Быстрее не получится, – огрызнулась я.

Тянуть время было лучшим вариантом, потому что иначе дело не обходилось одним разом.

В процессе подготовки я изводила себя малоприятными вопросами: почему я в лавке, а не дома? Почему не ищу новую работу?

Я сама во всем виновата. Боялась, что Хайнц разгласит наш секрет, и угодила в его капкан. Надо было с самого начала поставить его на место, но тетя Ильза, узнав обо всем, вряд ли стала бы платить за мое обучение.

А мама? Я бы ей, конечно, никогда не рассказала. А папа, пусть даже смертельно больной? Он бы убил дядю Хайнца, если б узнал.

Такой была плата за мое обучение. Дядя считал, что я сама этого хотела, другой причины для молодой женщины оставаться с ним в лавке не было.

Хайнц подошел ко мне и поднял юбку. Я в который раз почувствовала, как его загорбелые пальцы прикасаются к моим бедрам.

– Почему ты всегда так долго с этим возишься? – спросил он.

Я ощутила сладковатый запах перегара и оттолкнула от себя его руку.

– Не все быстро делается.

Хайнц был далеко не лучшим представителем высшей расы. С уровнем интеллекта где-то на границе между слабоумием и заторможенностью, он с трудом воспринимал предложения, в которых было больше двух слов. Я смахнула капли с тонкой пленки, отмерила и отрезала нужный кусок. Когда раскатала гладкую, как шелк, кишку, физиономия Хайнца уже стала красной.

Дальше я и без его указаний знала, что делать. Взять жестяную банку со свиным смальцем и идти в мясохранилище. Странно, но однообразие этих жутких действий меня успокаивало. Я дернула за шнур, который включал голую лампочку под потолком, и легла на холодную деревянную полку. Даже с мешком из-под муки на лице я могла точно описать, что будет дальше. Сладковатый запах муки перебивал исходящие от Хайнца запахи крови забитой скотины, сигар и белизны. Главное – не плакать. Это его разозлит, и процесс затянется. Он натянул мое изделие на член, обмакнул руку в жир, смазал и приступил к делу.

А я мысленно повторяла характеристики костей руки.

Первая: ладьевидная, от греческого «скафос», что значит «ладья».

Складки живота Хайнца с каждым его тычком хлопали по мне, как волосатый фартук. Он задышал чаще – верный признак того, что надолго это не затянется.

Вторая: полулунная, имеет форму полумесяца.

Я давно перестала мечтать о внезапном сердечном приступе. Хайнц годами жрал жирное мясо, так что бляшки у него наверняка были толщиной с палец, но это не свело его в могилу.

Третья: трехгранная.

Четвертая: гороховидная, от латинского «pisiform» – «горох».

Хайнц, как обычно, не смог себя контролировать и начал стонать. У меня от его дыхания запотела шея. Он удерживал свою тушу, опираясь на полку. Мощные руки мясника задрожали от напряжения.

Дверь холодильной комнаты без стука открылась. Мешок соскользнул у меня с лица. На пороге стояла Ильза. Одной рукой она придерживала дверь, во второй держала банку с вареньем. Наверное, услышала стоны Хайнца, даже не стоны, а звуки, очень похожие на визг недорезанного хряка.

– Закрой дверь, женщина, – приказал Хайнц с портками на щиколотках и красной от возбуждения мордой.

Я не поняла, что выражало лицо тети – отвращение или усталость? Она просто поставила банку на полку, развернулась и вышла.

Щелкнул замок, и Хайнц вернулся к своему делу.

В один из ничем не примечательных дней я сидела за своим рабочим столом в клинике и думала о том, как докатилась до такой жизни. Я только завершила осмотр последнего пациента, пухлого четырехлетнего карапуза. Выдала его мамаше мазь от чесотки и отослала домой. С моей подготовкой я могла бы занимать спокойную должность в университете, но на зарплату преподавателя семью не прокормить.

Я полистала журнал «Медицина», и мне на глаза попало объявление с вакансией в исправительном лагере для женщин. Лагерь находился в девяноста километрах к северу от Берлина, недалеко от городка Фюрстенберг на берегу озера Шведт. Тогда появилось много таких лагерей, в них обычно отправляли тунеядцев и мелких преступников. Идея сменить обстановку пришлась мне по душе.

Курортный городок?

Я буду скучать по маме, но по Хайнцу – точно нет.

Единственное, что я знала об этом лагере, – это то, что там работал мой однокурсник по медицинскому институту Фриц Фишер, но зато у него было очень благозвучное название – Равенсбрюк.

Глава 7

Кэролайн

Декабрь 1939 года

В сочельник мы с Полом решили пойти на каток в Центральном парке. Я любила кататься на коньках – научилась еще на пруду Бёрд неподалеку от нашего дома в Коннектикуте, но практиковалась мало, поскольку избегала любой обуви, которая делала меня выше. К тому же до этого дня мне просто не с кем было пойти на каток. Бетти скорее согласилась бы проглотить пчелу, лишь бы ее никто не увидел на коньках. А я дала себе слово, что, пока Пол в Нью-Йорке, использую это время на полную катушку.

Погода выдалась идеальной для катания. День ясный, холодный, с кусачим ветром, так что к вечеру лед был гладким, как отшлифованный бильярдный шар. В итоге на замке Бельведер подняли долгожданный для всех любителей коньков флаг – красный круг на белом поле. Весть о том, что лед готов, пронеслась от швейцара к швейцару по всей Пятой авеню, и в результате вокруг катка образовалась толпа.

Когда мы с Полом пришли, первую группу уже выпустили на лед. Мужчины почти на профессиональном уровне демонстрировали «волчок» и опускались на колено. За ними попарно или по трое выкатывались женщины, их тяжелые пальто развевались, как паруса. Пол, притом что не имел большого опыта, оказался надежным партнером. Мы рука об руку скользили от одного пруда к другому. Ни за что не стала бы кататься на коньках при таком скоплении народа, но с Полом все было иначе – я энергично отталкивалась ото льда, и очень скоро мы с ним нашли общий ритм. У меня вдруг возникло ощущение, будто я впервые пробую жить.

Мы скользили под арочными мостами. Никогда не слышала, чтобы «Лунная соната» Бетховена и вальс Эмиля Вальдтейфеля «Конькобежцы» звучали так восхитительно, даже притом что их транслировали через установленные на кабинках динамики.

Народ все прибывал, на катке стало тесно, и мы решили закончить. В воздухе пахло теплыми каштанами. Мы уже собрались сесть и снять коньки, но тут я услышала, как кто-то зовет меня по имени.

– Кэролайн! Подожди.

Это был Дэвид Стоквелл. Он подкатил к нам, резко затормозил, поправил полу пиджака рукой в перчатке и улыбнулся, как в рекламе «Брук бразерс». Для меня оставалось загадкой, как у Дэвида получалось вести себя с такой легкостью, будто между нами никогда ничего не было. Словно жениться на моей приятельнице после десяти лет близкого знакомства со мной – абсолютно естественный поступок.

– Привет, Кэролайн. Кто это с тобой?

Что это с ним? Неужели ревнует?

В росте Дэвид действительно проигрывал. А вот заподозрить нас с Полом в романтической связи мог вряд ли. Пол держал дистанцию и вел себя как друг, не более того. А может, он все-таки каким-то образом дал знать Дэвиду, что мы вместе? Если так, это было бы очень здорово.

Пол протянул Дэвиду руку и представился:

– Пол Родье.

Дэвид пожал ему руку:

– Дэвид Стоквелл. Мы с Кэролайн знакомы еще с...

– Нам в самом деле пора уходить, – отрезала я.

– Салли там зашнуровывает коньки. Она очень расстроится, когда узнает, что упустила возможность с тобой познакомиться.

Бетти, естественно, предупредила меня о существовании Салли. Ее новая невестка – миниатюрная девушка, которую миссис Стоквелл завалила приданым от-кутюр. На средства от продажи этого приданого можно было бы целый год кормить пол-Нью-Йорка.

Я взглядом очень выразительно повторила Дэвиду: «Нам пора уходить».

А он решил обратиться к Полу:

– Я работаю на Госдепартамент. Наша цель – постараться не ввязываться в войну. Судя по тому, что я слышал о вашей речи на приеме, ваша цель – обратная.

– Всего-то сказал правду, – бросил Пол.

– Это был самый успешный прием на моей памяти, – вставила я.

Пол подкатил ближе и взял меня под руку.

– Да, дорогая, это было незабываемо.

«Дорогая?!» – изумилась я.

Дэвид захлопал глазами, а я придвинулась к Полу.

– Да, успех был оглушительный. И пожертвования. Теперь все за Францию.

Салли Стоквелл катилась к нам через толпу. Ее трудно было не заметить – миниатюрная, примерно пять футов и два дюйма ростом, в костюме фигуристки: расклешенная юбочка, прилегающий стеганный тирольский жакет и коньки с белой опушкой на ботинках. Под аккуратным подбородком Салли покачивались помпоны на ленточках от вязаной шапочки.

– Вы, должно быть, Кэролайн! – Подъехав, она протянула мне ладошку в белой рукавичке из ангоры.

Я тряхнула ей руку.

Салли по типу была ближе к Оливии де Хэвилленд, чем к Бэт Дэвис. Искренность ее обезоруживала настолько, что даже говорить банальности при ней было как-то неловко.

– Дэвид мне все о вас рассказал. «Кэролайн помогает французским деткам». «Мы с Кэролайн вместе играли в нашей первой постановке»...

– Я был первым партнером Кэролайн, когда она получила главную роль, – подтвердил Дэвид. – Оливия и Себастьян.

Пол улыбнулся:

– Насколько я помню, у них есть сцены с поцелуем. И какие были отзывы?

– Теплые, – ответила я.

Салли подкатила ближе.

– Иногда я думаю, что вам с Дэвидом стоило пожениться.

– Было очень приятно повидать вас обоих, – сказала я. – Простите, но нам пора уходить.

– Да, сегодняшний день только для нас двоих, не так ли, дорогая? – проговорил Пол.

Тут он хватил через край, можно сказать – дал отличный повод для сплетен. Но мне было плевать – так хорошо почувствовать себя любимой, пусть даже и не по-настоящему.

Салли с Дэвидом присоединились к парам на катке, а мы помахали им на прощанье. Пол повел себя так, будто он мой кавалер. Разумеется, я не хотела пускать пыль в глаза, но, с другой стороны, замечательно, что он решил выступить в этой роли. Особенно перед Дэвидом, который так старательно топтался по моему самолюбию.

После катка Пол отправился в «Уолдорф» переодеться, а мне еще надо было украсить пышную голубую елку, которую привез из пригорода мамин старинный друг, и приготовить курицу в вине. Серж прислал из Коннектикута зимний суп со сладким пастернаком, морковью и чудесным итальянским фенхелем, который должен был стать первым блюдом на нашем столе.

В тот вечер снегопад обрушился на Коннектикут, а потом добрался и до Манхэттена, и в результате мама с Сержем застряли в нашем загородном доме.

Пол появился у меня на пороге весь в снегу. Наклонился и поцеловал меня в щеку, а я почувствовала, какой холодной была его кожа, и еще аромат «Сумарэ»¹⁵ – любимый парфюм отца. Как-то в номере Пола я воспользовалась его туалетом и заглянула в аптечку, а там увидела рядом с синей баночкой «Нокзима» флакон «Сумарэ».

Пол держал в руках бутылку бургундского и закутанный в белую бумагу букет темно-красных роз. В такой обстановке нужно быть начеку и следить за количеством выпитого. Я очень порадовалась тому, что он решил прийти в пиджаке цвета баклажана, который сочетался с моим платьем.

Пол передал мне тяжелую прохладную бутылку.

– Joyeux Noël¹⁶. Эта – последняя из ящика, что мне прислал кузен со своего виноградника. Я оставил твой номер оператору в «Уолдорфе», на случай если со мной попытаются связаться. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Разумеется, нет. Беспокоишься о Рине?

– Я всегда о ней беспокоюсь, но в данном случае это обычная мера предосторожности. Я говорил с Риной сегодня утром и передал ей всю информацию по визе. Рожер сказал, что все выяснит в течение ближайших нескольких дней.

Рина. У меня было такое чувство, будто она стоит рядом с нами.

Пол прошел в гостиную.

– У вас тут самолет можно посадить. Сегодня только мы вдвоем?

– Мама с Сержем остались в Коннектикуте – подъездную аллею снегом завалило, не проехать.

– Значит, мне одному тебя развлекать? Это вызов.

После ужина я оставила посуду в раковине и устроилась с Полом на солидном диване с обивкой из плотной ткани. Мы открыли бутылку отцовского коньяка. Этот диван принадлежал еще моей бабушке по маминной линии, которую все звали Мама Вулси. Она специально приобрела его, чтобы маминым кавалерам было неудобно засиживаться в гостях.

Регулятор отопления в нашей квартире был установлен на самый низкий уровень, и, как только огонь в камине погас, в гостиной стало заметно прохладнее. Пол положил березовое полено на каминную решетку, пламя сразу принялось с такой страстью облизывать стены камина, что у меня даже щеки покраснели.

Я скинула туфли, поджала под себя ноги и взглянула на содержимое бутылки против огня в камине.

– Похоже, к ней уже кто-то приложился.

– Не исключено, что это просто «доля ангела», – заметил Пол. – Так называют долю коньяка, которая испаряется еще в погребках.

Он с мрачным выражением лица потыкал кочергой полено.

Почему мужчины всегда так серьезно относятся к поддержанию огня?

Пол снова сел на диван.

– Когда я сижу вот так у камина, мне кажется, что все еще впереди, – сказал он. – Как в детстве.

– Где-то в глубине души мы навсегда остаемся двадцатилетними, – поддержала я.

Интересно, сколько раз я слышала это от мамы?

Пол налил по капле коньяку в наши бокалы.

– Твой бывший – красивый мужчина.

– Тут он не стал бы с тобой спорить, – согласилась я и протянула бокал за добавкой.

Пол явно колебался.

¹⁵ Одеколон с цитрусовыми нотами.

¹⁶ Счастливого Рождества (фр.).

– Разумный человек обычно пьет, – процитировала я.

И чего меня вдруг потянуло на Байрона? Прямо как древняя старуха какая-нибудь.

– Что в нашей жизни лучше опьянения?¹⁷ – подхватил Пол и подлил коньяку в мой бокал.

Он цитирует Байрона?

– А почему ты никогда не спрашиваешь меня о Рине?

– А почему я должна о ней спрашивать?

Меньше всего мне хотелось заводить разговор на эту тему.

– Ну, не знаю. Подумал, тебе может быть интересно, как мне удастся так долго жить в разлуке с женой.

– Не сомневаюсь, что все дело в твоём шоу, – сказала я.

Янтарный коньяк в моем бокале отражал языки пламени.

– Мы давно уже не живем как муж и жена.

– О, Пол, какое клише.

И почему я вечно обращаюсь с мужчинами менторским тоном? Смерть старухи по эскимосской традиции в одиночестве на плавучей льдине – это именно то, чего я заслуживаю.

– Рина так молода. С ней не соскучишься. Уверен, она бы тебе понравилась. Но мы никогда не сидели вот так вместе и не говорили о жизни.

– А какие у нее интересы?

Пламя в камине запищало, проглотив каплю смолы с горящего полена.

– Танцы, вечеринки. Она во многом еще ребенок. Мы поженились, едва познакомившись. Сначала нам было весело вместе, а в постели – так просто великолепно. Но очень скоро мы почувствовали отчужденность. Я узнал, что у нее появились весьма привлекательные поклонники.

С ним великолепно в постели? Господи, кто бы сомневался.

Я щелчком сбила пылинку у себя с рукава.

– Кстати, в этой стране мужчины не рассказывают о своих подвигах в постели.

– В этой стране мужчинам вообще поговорить не о чем, – парировал Пол. – Они женятся, и все их подвиги скукоживаются и отпадают. Рина – чудесная девушка, но просто она считает, что мы с ней несовместимы. Поверь, я старался это исправить.

Пол снова занялся поленьями в камине, потом вернулся и сел уже ближе ко мне. Для мужчины его возраста у него были очень красивые губы.

– С той поры ты встретил хоть одну совместимую девушку? Я в своей жизни знаю только одну идеально совместимую пару. Это мои родители.

– Как умер твой отец?

– Я ни с кем раньше это не обсуждала. Мне было одиннадцать, а в то время на такие темы говорить не полагалось.

– Он был хорошим отцом?

– По выходным папа возвращался в наш загородный дом в Коннектикуте. Как-то он обменял свой крахмальный воротничок и жилет на хаки и без усталости подавал нам на бейсбольном поле, которое мама устроила для нас в дальнем конце поместья.

– Он часто болел?

– Вообще не болел. Но как-то весной в четырнадцатом вдруг перестал выходить из своей комнаты. И входить к нему разрешалось только доктору Форбсу и маме. К тому времени, когда меня отослали с вещами к родственникам, я уже понимала, что происходит нечто страшное. При моем появлении в комнате горничные сразу замолкали. У мамы было жутко измученное лицо, никогда ее такой не видела.

– Сочувствую.

¹⁷ Байрон Дж. Г. Дон Жуан. Перевод Т. Гнедич.

Пол взял мою руку и через секунду отпустил.

– Прошло пять дней, и мне разрешили вернуться домой. Только никто не смотрел мне в глаза. Я, как всегда, добывала самую важную информацию, спрятавшись в подъемнике за кухней. Сидела там и подглядывала в шелку. У нас в то время жили четыре горничные. Все из Ирландии. Как-то они лутили горох, и старшая, Джулия Смит, делилась информацией с другими. До сих пор помню каждое ее слово. «Я знала, что мистер Ферридэй не сдаться без боя».

Мэри Моран, новенькая тощая служанка, терла шваброй с намотанной на нее серой тряпкой кафельный пол, выложенный черно-белыми шашечками. Она сказала: «Умирать от пневмонии – врагу не пожелаешь. Как будто тонешь, только это никак не кончается. Вы заходили в комнату? Лучше было его не трогать».

Потом другая, Джулия, добавила: «Он то смеялся как сумасшедший, то раздирал себе грудь, говорил, что ему жарко, и умолял доктора Форбса открыть окно. А потом еще просил позвать дочку. У меня прямо сердце разрывалось от этой картины. Миссис все повторяла: „Генри, дорогой, не покидай меня“. Но он, видно, к тому моменту помер, потому что доктор Форбс выглянул за дверь и велел мне бежать в похоронное бюро и привести хозяина».

Потом Лили Клиффорд, младшая из четырех, сказала: «Я только одним глазком видела миссис Ферридэй. Она сидела на кровати, обнимала мужа и говорила, что не может жить без него. У нее был такой грустный голос, что я сама чуть не расплакалась».

В тот вечер мама мне все рассказала. А я смотрела на папин хьюмидор¹⁸ и думала о том, что будет с его сигарами теперь, когда его не стало. Мы с мамой больше почти никогда не говорили о смерти отца, а она с того дня больше при мне не плакала. Вообще ни при ком не плакала.

- Кэрлайн, это ужасно, – проговорил Пол. – Ты была так юна.
- Прости, что испортила тебе праздничное настроение.
- Смерть отца – тяжелая ноша для ребенка.
- Давай поговорим о чем-нибудь более веселом.
- У тебя доброе сердце.

Пол протянул ко мне руку и убрал выбившуюся прядь волос за ухо. Я чуть не подпрыгнула от этого теплого прикосновения.

- Хватит о смерти, – сказала я. – О чем бы еще поговорить?

Какое-то время мы молча смотрели на огонь и слушали, как трещат поленья.

Пол повернулся ко мне:

- Знаешь, я должен кое в чем тебе признаться.
- Мне казалось, добрый католик обычно исповедуется своему священнику.

Он провел пальцем по моей ступне.

- Дело в том, что шелковые чулки выбивают меня из колеи.

Он хоть понимает, какая сила таится в кончике его пальца?

- В юности меня до смерти напугал один школьный друг.

Я выпрямила спину.

- Может, мне лучше об этом не знать?
- У него под кроватью стояли коробки со старыми фотографиями.
- Натурные съемки?

– В своем роде – да. В основном с женщинами в шелковых чулках. Практически в одних только чулках. – Пол закрутил коньяк в снифтере. – Эти снимки изменили меня навсегда. Это как-то связано со швами на чулках. После того как я увидел, как Марлен Дитрих поет «Без-

¹⁸ Шкатулка для хранения сигар.

рассудную Лолу» в «Голубом ангеле», мне пришлось подождать, пока вся публика не выйдет из зала, и только после этого я осмелился встать.

– Марлен там пела в обычных черных чулках.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. Эта тема меня излишне возбуждает.

– Ты сам ее поднял.

– Думаю, меня всегда тянуло к сильным женщинам, – признался Пол.

– Мама познакомила тебя с Элеонорой Рузвельт?

Пол улыбнулся и поставил снифтер на пол.

– Кэролайн, ты уникальная женщина. Есть в тебе что-то такое, что хочется открыть душу. – Он секунду молча смотрел мне в глаза. – Я привязался к тебе. И возможно, тебе уже от меня не избавиться.

– Как от репея, – сказала я.

Пол снова улыбнулся и придвинулся ближе.

– Называй как хочешь.

Я встала и поправила платье. Нужно было сбросить скорость, пока мы не зашли слишком далеко.

– Подожди здесь, у меня кое-что для тебя есть, – сказала я. – Не бойся, это ни к чему не обязывает.

– Ты такая загадочная. Прямо как Марлен.

Я ушла в свою спальню.

А вдруг я зря это затеяла? Могут ли мужчина и женщина дарить друг другу подарки, если они только друзья? Мне-то он ничего не подарил.

Я вручила Полу коробку, обернутую в серебряную бумагу. Причем до этого я несколько раз упаковывала и распаковывала свой подарок, чтобы он не выглядел слишком серьезно.

– Что это? – спросил Пол.

Я заметила, что у него слегка порозовели щеки.

Смутился? Или это от коньяка?

Пол запустил пальцы под бумагу и разорвал целлофановую ленту.

– Ничего особенного, просто подарок друга. Мы с Бетти постоянно обмениваемся подарками. Обычное дело.

Пол развернул на коленях мой подарок, удивленно посмотрел на сложенный в треугольник шарф цвета бордо и, как мне показалось, потерял дар речи.

– Это отцовский, – сказала я. – У него их дюжины. Он их, естественно, никогда не носил. Возможно, если бы носил. . .

Пол поднял шарф из мериносовой шерсти на шелковой подкладке и погладил кончиками пальцев.

– Просто нет слов.

У меня пересохло во рту.

Может, я все-таки поторопилась с подобным личным подарком?

– А твоя мать не станет возражать? – спросил Пол.

– Будь ее воля, она бы давно избавилась от всех вещей отца, но я ей не разрешаю.

– Возможно, ей тяжело их видеть.

– Как-то мама чуть не отдала отцовское пальто из шерсти вигони одному бедно одетому посыльному.

– Кэролайн, он такой красивый. – Пол наклонил голову и медленно обернул шарф вокруг шеи, затем поднял руки с раскрытыми ладонями. – Ну как?

Он напомнил мне румяных мальчишек, которые катались на санках по пруду Берд в Вифлееме.

Мне захотелось его поцеловать. Но я подумала, что потом мы можем об этом пожалеть. Ведь он женат, не важно, насколько совместимым был этот брак. И его жена скоро проснется во Франции в ожидании его звонка.

Да, конечно, мы об этом пожалеем.

У меня слегка закружилась голова. Я встала.

– Хочешь посмотреть? То есть я могу показать тебе гардероб отца.

Я провела Пола в папину комнату. У родителей были разные спальни – традиция того времени.

Тени от настольной лампы в углу убегали вверх по стене. Прислуга все еще убиралась в комнате: обметала пыль, каждую весну стирала занавески из органзы и перестилала постельное белье с греческим орнаментом, как будто отец мог вернуться в любой день и с криком «Всем привет!» бросить саквояж на кровать.

В нише эркерного окна стоял небольшой диван, небрежно зачехленный в давно поблекший мебельный ситец. Я открыла гардероб отца и включила свет. В комнате сразу запахло табаком и бальзамом «Викс вапораб».

– О, Кэролайн!

В гардеробе с двумя рядами вешалок все осталось как при жизни отца. Брюки хаки, брюки из кроссбредной шерсти и белые фланелевые брюки. Пиджаки самых разных фасонов – от спортивных норфолков с ремнем и пиджаков из сержа до визиток. На полу – ряды набитых оберточной бумагой двухцветных ботинок и одна пара лакированных слиперов. Фуляровые платки соседствовали с подвешенными за пряжки ремнями. На верхней полке лежала мамина черная ткань с похорон. В силу возраста я не была в тот день в церкви Святого Томаса, но в «Нью-Йорк таймс» писали: «Женщины Вулси молились на первой скамье». Я взяла и пропустила между пальцами ремень из тюленьей кожи на замше.

– Твой отец был очень аккуратным.

– Вообще-то, нет, это мама им занималась.

Пол взял с верхней полки серую, плотно набитую желтой оберточной бумагой шляпу федору, повертел в руках, как ученый – редкий метеорит, и положил обратно. Он вдруг помрачнел.

Я испортила ему настроение?

– Видишь ли, папа был дальтоником, – объяснила я.

Пол молча посмотрел на меня.

И почему я никак не могу замолчать?

– Да еще не желал, чтобы его одевал слуга.

Пол и не думал меня перебивать, просто смотрел с каким-то странным выражением во взгляде. Жалел бедную старую деву, которая тосковала по своему отцу?

– Отец настоял на том, что будет одеваться сам, поэтому мама покупала ему одежду только базовых цветов. Коричневый и синий. – Я выключила свет в гардеробе. – Видел бы ты, как он наряжался до этого.

Закрывая дверцу, я с трудом сдерживала слезы.

– Как-то вышел к завтраку в желтом пиджаке с лиловым галстуком, в оранжевых брюках и красных носках. Мама так смеялась, что чуть не задохнулась. – Я прислонилась лбом к холодной окрашенной двери. – Извини, Пол, что-то я расклеилась.

Пол взял меня за плечи, развернул и притянул к себе. Он откинул мои волосы и поцеловал в щеку. Его губы сначала задержались, а потом проделали неспешный путь к моим губам, и я сразу почувствовала вкус французских сигарет и кок-о-вен¹⁹.

Пол снял шарф и освободил аромат «Сумарэ».

¹⁹ Coq au vin – петух в вине (фр.).

Сосна. Кожа. Мускус.

Мы переместились к дивану. Ледяной снег барабанил по окнам, словно песок в ураган. Пол коснулся рукой внутренней стороны моего бедра. У меня слегка участился пульс. Он двумя пальцами потянул шелковый чулок. Я расстегнула верхнюю пуговицу на его рубашке. Потом еще одну. Скользнула ладонями под рубашку и провела вниз по гладкому, как внутренняя сторона раковины, телу.

– Мне кажется, ты выпила больше чем «доля ангела», – шепнул мне на ухо Пол.

Он расстегнул верхнюю пуговицу моего платья. При слабом освещении его лицо было особенно красивым и таким серьезным.

Мы действительно занялись этим.

Я прогнала все мысли о Рине.

Вторая пуговица. Третья. Так медленно.

Пол потянул платье вниз и поцеловал мое голое плечо.

– Не могу поверить. Ты так прекрасна, – бормотал он, не спеша опускаясь все ниже к моей груди. – Думаю, кровать подойдет лучше.

Я только кивнула в ответ, сил говорить у меня не было.

Моя кровать с балдахином и розовым атласным покрывалом? Она не видела никого даже отдаленно похожего на Пола.

Мы зигзагом перешли в мою спальню, по пути избавляясь от моего белья.

– Подними руки, – шепнул Пол, как только мы добрались до кровати.

Я подняла руки, как будто собиралась нырнуть, а он одним движением снял с меня комбинацию и платье. Потом сбросил пиджак и привлек меня к себе. Я дрожащими пальцами потянулась к его ремню. Пол целовал меня, когда я расстегнула ремень и целиком вытащила из шлевок. Расстегнула молнию. Пол перешагнул через брюки, и мы упали на гладкий атлас. Кровать заскрипела под непривычным весом.

– Ты еще в носках? – спросила я.

Пол поцеловал меня в шею.

– Ты ничего не слышишь? – уточнил он и продолжил целовать все ниже.

– Что? – Я приподнялась на локте. – Кто-то пришел?

Пол опустил меня обратно и шепнул на ухо:

– Нет никого. – Его шершавый подбородок приятно касался моей щеки. – Не думай об этом.

Так чудесно было лежать с Полом в постели и чувствовать, что он только мой и ничей больше.

Пол навалился на меня сверху и поцеловал в губы. На этот раз настойчиво.

Внезапно и я услышала какой-то посторонний звук. Стук в дверь. Но как можно было пройти мимо привратника? Я замерла. Губы Пола путешествовали по моему телу все ниже. Меня начала бить дрожь.

– Кто-то пришел, – проговорила я в темноте.

Глава 8

Кася

1940–1941 годы

Нужно понимать, какой объединяющей силой было для молодых поляков подполье. После вторжения немцы объявили скаутов преступной организацией, а мы стали соблюдать конспирацию, и теперь нас называли «Серые шеренги». Мы подчинялись польскому правительству в изгнании, которое нашло убежище в Лондоне.

Зузанна дни напролет работала в люблинском полевом госпитале и почти не бывала дома, так что я общалась только с девчонками из нашей восстановленной группы. К тому же участие в подполье придавало смысл существованию под властью немцев.

В герлскаутах мы прошли отличную подготовку по оказанию первой помощи, но в «Серых шеренгах» продолжили тайно посещать медицинские курсы. Старшие девушки сражались бок о бок с парнями, работали санитарками, шили одежду и присматривали за сиротами. Некоторые даже помогали освобождать людей из немецких тюрем, взрывали мосты и добывали вражеские военные планы.

Я входила в группу из семи человек, где были девушки помладше. Мы прятали польские книги, чтобы их не уничтожили немцы, и учили детей в подпольных классах. Еще обучались дешифровке, изготавливали фальшивые удостоверения личности и донесения. Мы участвовали в саботаже – переставляли уличные знаки, чтобы эсэсовцам было сложнее найти нужную дорогу. По ночам подключались к немецким динамикам и передавали польский гимн. И чем больше нам удавалось, тем сильнее хотелось поучаствовать в чем-то еще. Как наркотик. Однако нельзя было забывать о конспирации. Нацисты не только решили расположить в Люблине свои штабы, они по всей Польше распространили шпионов – они выявляли и арестовывали лидеров герлскаутов.

Плюс ко всему участились внезапные облавы-лапанки, которые устраивали эсэсовцы. Мама жила в постоянном страхе, что мы попадем в такую облаву. И немцы уже не ждали наступления темноты, они хватали всех без разбору в самых неожиданных местах: в церквях, в поездах, в очередях за продуктами. Чуть не повезет, тебя схватят и отправят в тюрьму. Большинство переправляли в Германию, где люди работали и умирали в жутких условиях. Польские дети с арийской внешностью тоже были в группе риска – иногда они исчезали. Однажды их всех согнали в поезд и куда-то повезли, а немецкие солдаты стреляли в матерей, которые бежали за поездом.

Страдали и крестьяне. Если деревня выделяла слишком мало работников, в наказание сжигали все дома.

Петрик не рассказывал, но я знала, что его отца, капитана польской армии, арестовали вместе с сослуживцами, и теперь Петрик был единственным мужчиной в семье. До войны у нас все мужчины с университетским дипломом зачислялись в армию как офицеры запаса, поэтому новые власти, арестовав офицеров, легко избавились от самых образованных поляков.

Я упрашивала Петрика доверить мне более серьезные задания, как старшим девушкам, но он, лидер нашей группы, вечно находил отговорки.

Как-то раз Петрик помогал мне мыть мамины кисточки, которые мы не закопали во дворе. Мама хранила их под половицей и поэтому могла иногда рисовать по ночам. То были не какие-то простые кисточки, а колонковые, и промывать их мама доверила бы не каждому. Эти «страдивариусы» мира кисточек перешли маме по наследству от бабушки, и каждая стояла целое состояние. Они укладывались по красным фланелевым чехольчикам, а сделаны они

были из шерсти русского соболя (причем только самца), который за фунт стоил в три раза дороже, чем золото.

– Ну попробуй сказать, что я плохо справляюсь с заданиями, – уговаривала я Петрика. – Вспомни, как я хорошо выполнила все, когда ты послал меня в дом Нади.

– Кася, у меня для тебя ничего нет, – ответил Петрик. – Сейчас пока затишье.

Для парня с такими большими руками он очень нежно обращался с кисточками – окунул одну в мыльную воду, аккуратно потер пальцами никелированный ободок, а потом провел вниз по кисточке.

– Если еще один день просижу дома, точно сойду с ума, – проворчала я.

Петрик положил свою кисточку на тряпочку рядом с моей.

– Тебе известны правила. Ты еще слишком молода. Почитай книжку.

– Я способна на большее...

– Кася, нет.

– Петрик, я так хочу участвовать в борьбе с этими гадами. Можешь послать меня на любое задание. Пусть даже и не очень важное.

– То, что ты красивая девушка, тебя не защитит. Если поймают, то расстреляют, как всех остальных.

Красивая девушка? Я?

– Если ты не дашь мне задание, я пойду работать в «Свободную прессу».

– Со мной тебе безопаснее.

– Ну вот, началось.

Хоть какой-то прогресс!

Петрик повернулся ко мне. Лицо у него было серьезное.

– Хорошо. Есть одно дело. Задача сложная, так что слушай меня внимательно.

– В гетто?

Петрик кивнул.

Тут я испугалась, причем и задания, и того, что Петрик заметит мой страх. Один испуганный взгляд, и он передумает.

– Пойдешь в аптеку к Зету. – Петрик замолчал на секунду и продолжил: – Хотя нет, ты не справишься.

– Интересно, кто лучше меня справится? Мы с Надей всегда покупали у него шоколадное мороженое. И мистер Зет – прихожанин нашей церкви.

Хотя аптека была в гетто, христианам не запрещалось отовариваться у Зауфаньма. К нему все ходили, даже эсэсовцы. Владельца и фармацевта Зауфаньма большинство горожан знали как мистера Зета. Он был почти доктором, и каким-то образом даже в такие времена у него имелись в наличии все необходимые лекарства.

– Сможешь быть у него завтра ровно в два?

– Я когда-нибудь опаздывала?

– В это время смена у патрулей, так что у тебя будет всего пять минут, когда тебя никто не сможет остановить. И постарайся не попадаться на глаза чернорубашечникам. Они усилили надзор.

Я улыбнулась, хотя у меня возникло такое ощущение, будто кровь в жилах застыла.

– Понятно.

Внутренний голос шепнул: «Еще не поздно отказаться» – но я заставила его заткнуться.

– Входишь и сразу иди к задней двери, – продолжил Петрик.

– В полуподвал?

– Да. Спустишься туда. – Петрик взял меня за руку и посмотрел в глаза. – После того как установишь контакт, остаешься там не дольше пяти минут. Кася, тебе передадут важный пакет. Ты все поняла?

Я кивнула и как можно спокойнее спросила:

– Пакет может взорваться?

– Нет, но, после того как уйдешь, ни с кем не заговаривай. Сразу возвращайся на смену в кинотеатр. Твое прикрытие: «Ходила за аспирином».

Петрик говорил очень серьезно. «Прикрытие». Это было настоящее задание, и пусть у меня тряслись руки, я была уверена в том, что сделаю все как надо. Пять минут на то, чтобы забрать какой-то пакет, – это целая вечность.

В ту ночь я почти не спала – прокручивала в голове, что может пойти не так во время задания. Гетто. Арестовать могли просто потому, что ты оказалась не в том месте. Каждый день мы слышали о том, что кого-то из друзей или соседей забрали в гестапо, «Под часы» – это была такая скромная контора в полуподвальном помещении. Но совсем плохо, если забирали в Люблинский замок, там заключенных расстреливали прямо во дворе.

На следующий день я вышла из дома и на дрожащих ногах отправилась в аптеку мистера Зета. Погода была пасмурная, ветер рвал в небе тяжелые серые тучи.

А я гнала от себя страх. Именно из-за него можно было попасться. Нацисты чувляли страх.

На полпути к Городским воротам, которые официально служили входом в гетто, меня кое-что отвлекло от цели. Мама выходила из «Дойче хауса». «Дойче хаус» – это ресторан, где питались все немцы Люблина. На дверях висела табличка: «FÜR POLEN VERBOTEN!» – «Полякам вход запрещен!» Эсэсовцы особенно любили это заведение – там они чувствовали себя в полной безопасности, еда для них была практически бесплатной, и они знали, что за соседним столиком не будет ни одного поляка. По городу ходили слухи, что там очень накурено, а порции такие большие, что их редко доедали. Но никто из моих знакомых там ни разу не был, во всяком случае, я так думала. Никто под страхом смерти не стал бы о таком рассказывать. «Полякам вход воспрещен!» Всего за неделю до этого нашего зеленщика застучали в кухне ресторана. Он поставлял им картошку. Зеленщика схватили, и больше его никто не видел.

Аресты стали обычным делом. В то утро я прочитала в подпольной газете Зузанны, что всего за три месяца с начала войны было убито и арестовано пятьдесят тысяч поляков и около семи тысяч из них – евреи. Арестовывали всех самых уважаемых людей в городе – адвокатов, профессоров, религиозных лидеров и всех, кто нарушал новый порядок или пытался противостоять оккупантам. Нацисты воспринимали католическую церковь как опасного врага, поэтому схватили очень много священников. Горожан часто обвиняли в преступлениях, которых они не совершали. Людей увозили или казнили на городских площадях. Звуки выстрелов будили нас по ночам.

Когда я увидела, как мама, прижимая к груди коричневый пакет размером с небольшую буханку хлеба, выходит из «Дойче хауса», я сразу поняла, что она там делала. Время было обеденное, люди шли, опустив из-за ветра голову. Мама направлялась в сторону дома.

Я повернула против «течения» и позвала:

– Мама!

Она оглянулась, и лицо у нее стало такое, словно ледяная рука за горло схватила.

– Кася. Ты не в кинотеатре? Я вот собралась принести тебе сэндвич.

– У меня сегодня поздняя смена.

Я работала билетером в кинотеатре недалеко от дома, это место мне «по наследству» оставила Зузанна.

Мы отошли от трубы для распределения воды, которая тянулась вдоль квартала.

– Ты была в «Немецком доме»? Туда же поляков не пускают.

– Для них я – немка.

Меня даже затошнило, когда я представила, что мама была в этом месте. И про сигареты все – правда! Я чувствовала, что от нее пахнет табаком.

– Как ты могла?!

– Кася, давай без истерик. Я просто зашла...

Мы освободили тротуар, уступая дорогу проходящей мимо немецкой парочке. Все как предписано новыми правилами.

– Зашла зачем?

Она еще сильнее сжала бумажный пакет и буквально выдавила из него чудесный аромат. Густой, экзотичный. Пальмы, солнечная Бразилия. Кофе.

– Просто объясни – зачем? – Я, чтобы не сорваться, сделала глубокий вдох и выдохнула. – Это новая туалетная вода?

Мама вернулась на тротуар и пошла вперед.

– Кася, не бери в голову.

Я уже видела эти новые шелковые чулки, похожие на сброшенную змеиную шкуру, под юбками в нижнем ящике комода. От понимания ситуации у меня перехватило дыхание.

– Ты не можешь... Ты должна исповедаться.

Мама снова остановилась и бросила, понизив голос:

– Господи, прости, я пила кофе с эсэсовцем. Леннарт...

Я рассмеялась:

– Леннарт? Мама, Леннарт – значит храбрый. Этот Леннарт Храбрый убил лопатой нашу Псину.

Лучи солнца пробились сквозь тучи, и я заметила, как начали переливаться всеми цветами радуги темные пятна на впалых щеках мамы. Уголь.

– Ты их рисовала...

Еще один глубокий вдох.

Мама притянула меня к себе.

– Кася, тише. Им нравится, как я работаю, это позволяет мне стать ближе...

– Это опасно.

– Думаешь, я ради удовольствия? Это все из-за папы. Они могли его расстрелять!

– Если бы я была женой такого человека, как папа, я бы скорее умерла, но осталась бы перед ним честной.

Мама пошла дальше, а я, натываясь на людей, следовала за ней.

– Ты еще не доросла, тебе не понять.

Я потянула ее за рукав жакета.

Она оттолкнула мою руку.

– Мама, они называют это осквернением. Полячка и немец. Вместе.

Мама круто развернулась лицом ко мне:

– Ты можешь не кричать? Что на тебя нашло?

От нее пахло кофе и грушевым печеньем.

Я готова была расплакаться. Как можно быть такой легкомысленной?

– Они всех нас заберут. И папу тоже.

– Иди на работу, – сердито ответила мама.

Она пошла через улицу и чуть не угодила под красивую машину с открытым верхом, в которой ехала молодая пара. Парочка начала сигналить и что-то кричать по-немецки. Мама выбралась на тротуар и обернулась.

Почувствовала вину из-за того, что так резко со мной говорила?

Она поднесла руку ко рту и крикнула:

– Сэндвич принесу в кинотеатр! Зайду пораньше!

Я промолчала, а мама прижала свой кофе к груди и пошла дальше. Очень скоро ее проглотила толпа.

Меня трясло. Кому об этом рассказать? Только не папе. Он убьет Леннарта, и нас всех расстреляют. Я оглянулась на «Дойче хаус» и увидела, как Леннарт, ковыряясь зубочисткой в зубах, в компании еще троих эсэсовцев спускается с крыльца. Как она могла встречаться с таким типом?

Я переключила все мысли на выполнение задания. Вспомнила девиз скаутов: «Будь готов!» Главное – быть внимательной, и тогда я смогу все сделать без сучка без задоринки. А уже потом расскажу обо всем этом Зузанне. Она поможет маме.

Я прошла через Городские ворота и спустилась к аптеке Зауфаньма точно по графику. Это было просто. Мы с Надей заходили туда миллион раз. Но в этот день, когда я шла по мощенной булыжником мостовой, меня преследовало ощущение, что я спускаюсь в ад Данте.

Когда-то Старый город был самым оживленным торговым районом Люблина. Мы с Надей иногда проводили там целый день – глазели на витрины магазинов и лакомились посыпанными сахарной пудрой пышками. На улицах стояли телеги с горами репы и картошки, играли дети, владельцы магазинов в черных шляпах и длиннополых черных сюртуках с рукавами колоколом разговаривали, стоя на крыльце, с покупателями. Двери магазинов распахнуты, так чтобы товар можно было разглядеть с улицы. Туфли и шлепанцы. Грабли и вилы. Клетки с кудахчущими курицами и кричающими утками.

Тогда мужчины в черно-белых талисах входили и выходили из большой синагоги Хевра Носим. Другие же шли из бани домой, а за ними по улице стелился пар.

Но после прихода немцев любому, кто входил в гетто, становилось грустно и страшно. Люблинский замок, который немцы превратили в тюрьму, взирал со своей высоты на петляющие мощеные улочки, но толпы покупателей и стайки играющих детей исчезли. Большинство молодых людей немцы угнали на свои строительные работы. К югу от Люблина они расчищали землю и строили новый трудовой лагерь, который назвали Майданек.

Многие магазины закрывались, а в тех, что остались, товар оскудел. По улицам расхаживали патрули эсэсовцев, а подростки, которых по возрасту не угнали на работы, сбивались в группки, и в них чувствовалась тревога. Я видела женщин – они столпились вокруг поставленного на землю подноса с мясными отходами. Какой-то мальчишка торговал белыми повязками со звездой Давида, и такая же была у него на рукаве. Синагогу заколотили, а на двери прибили таблички с немецкими надписями. Баня погрузилась в тишину и больше не выпускала пар на улицу.

Подойдя к аптеке, я почувствовала некоторое облегчение. Это одно из немногих мест в гетто, которое еще не закрылось, и днем здесь было довольнолюдно. Мистер Зет оказался единственным в гетто владельцем магазина не евреем. Говорили, что он подкупил всех нацистов, от которых зависел его бизнес.

Через фасадную витрину я разглядела мужчин в черных шляпах, которые играли в шахматы за столиками в аптеке. Мистер Зет стоял возле деревянной стойки и помогал паре покупателей выбрать нужное лекарство.

Я повернула круглую стеклянную ручку. Дверь со скрипом открылась. Несколько мужчин оторвались от своей игры и не без любопытства посмотрели на меня. Я немного знала мистера Зауфаньма, мы ведь ходили в одну церковь, но он не подал виду, что узнал меня. Проходя между столиками, я уловила обрывки разговоров. Говорили в основном на идише, и лишь немногие – на польском. У задней двери я взялась за ручку и повернула, но она не поддавалась.

Заперта?

Я попробовала снова. Опять без толку.

Что теперь делать? Уходить?

Я обернулась и посмотрела на мистера Зета. Он извинился перед покупателями и пошел в мою сторону.

И как раз в этот момент нацистский коричневорубашечник, обычный гитлеровский штурмовик с португеей, приложил для удобства ладони к витрине и смотрел внутрь аптеки.

Меня высматривает!

Даже игроки в шахматы заметили штурмовика и сели прямее.

Я мысленно повторила клятву «Серых шеренг»: «Клянусь хранить тайны организации, подчиняться приказам и без колебаний пожертвую своей жизнью».

Последняя часть в этот момент оказалась близка к реальности.

Мистер Зет подошел ко мне и провел обратно к прилавку. Я едва дошла – ноги стали как тряпочные.

– Желаете купить аспирин? – предложил мистер Зет.

– Да. Очень болит голова.

Как только коричневорубашечник отлип от витрины и пошел дальше, мистер Зет провел меня к двери, качнул ручку и совершенно спокойно позволил мне пройти внутрь.

Я спустилась. Над деревянной дверью горела голая лампочка. Я постучала костяшками пальцев. Внутри все похолодело.

Наверное, скажу Петрику, что это мое последнее задание.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Это Ивона.

Дверь открылась.

– Они прислали ребенка? – удивилась женщина, но в полумраке я ее не разглядела.

Я вошла, а она закрыла за мной дверь.

Ребенка? Да мне уже восемнадцать. И вообще, мне часто говорят, что я выгляжу старше своих лет.

– Я пришла за аспирином, и у меня только пять минут.

Женщина смерила меня долгим взглядом, так смотрят на последнюю рыбу на рынке, и направилась в смежную комнату. Я прошла чуть дальше от двери. Помещение по площади было раза в два больше нашей квартиры. Окна заклеены черной бумагой, отсюда и темнота. Сильно пахло плесенью и грязными носками, но обстановка вполне приличная: длинный диван, кухонный стол со стульями, над столом лампа с красно-синим абажуром, а у дальней стены – раковина. Из крана капала вода, сверху доносился звук тяжелых шагов и скрежет ножек стульев по полу.

Куда подевалась эта женщина?

Она вернулась с толстым пакетом в руках. Я затолкала пакет в свой рюкзак и посмотрела на наручные часы. Уложились меньше чем за минуту, даже несмотря на миссис Копушу. И только тогда я заметила на диване девушку. Она, склонив голову, сидела в тени.

– Кто это? – спросила я.

– Не твое дело. Тебе пора уходить.

Я подошла ближе.

– Вы ее побили?

– Естественно – нет. Анна будет жить в семье католиков. Ее родители считают, что так для нее будет безопаснее.

– Безопаснее в таком виде?

На девушке было черное пальто поверх вязаного свитера, черные ботинки и чулки, да еще волосы подоткнуты под тюрбан из красно-черного шарфа. Естественно, я знала, как одеваются девочки-католички, ведь сама была такой и благодаря маме каждое воскресенье первой приходила на мессу.

У этой девушки в такой одежде не было шансов сойти за католичку.

– Девочки-католички так не одеваются, – заметила я и повернулась, чтобы уходить.
– Ты не могла бы задержаться на минутку и рассказать ей, как надо одеваться? – попросила женщина.

– Ну, не знаю...

Теперь, когда ей что-то надо, она вдруг стала такой вежливой. А у меня своих проблем хватает: нужно пронести через город секретный пакет.

– Для нее это очень важно, – сказала женщина. – Она совсем одна.

– Это заметно.

Я села на диван рядом с девушкой.

– Меня зовут Кася. – Я накрыла ладонью ее руки. Руки у нее были еще холоднее моих. – Анна, такое красивое имя. Ты знаешь, что оно означает? «Избранная Богом».

– На самом деле меня зовут Ханна, – буркнула девушка, даже не взглянув на меня.

– Если ты собираешься жить в семье католиков, первым делом тебе надо избавиться от этого шарфа.

Она посмотрела на меня, но снять шарф не спешила. Я не могла просто уйти и оставить ее одну.

Ханна медленно стянула с головы шарф, и темные волосы упали ей на плечи.

– Вот и хорошо, – похвалила я. – А еще тебе лучше не ходить в черных чулках и ботинках. Давай поменяемся.

Девочка даже не пошевелилась.

– Я не могу, – сказала она.

– Ханна...

– Осталось три минуты, – напомнила женщина от двери.

– Тебе лучше поторопиться, – настаивала я.

– Я передумала, – ответила девочка.

Я встала и поправила юбку.

– Хорошо. Тогда я ухожу.

– Мой парень сказал, что если я это сделаю, то перестану для него существовать.

Я снова села на диван.

С парнями вечно столько проблем!

– Не сваливай все на него. Ты сама должна принять решение.

– Он все равно теперь меня ненавидит. Говорит, что я бросила родителей.

– Твои родители хотят этого. А твой парень потом поймет, что так для тебя лучше.

Женщина шагнула от двери в нашу сторону.

– Давайте уже заканчивайте.

– Они же только мужчин забирают, – упрямылась Ханна. – Может, мне дома остаться...

– Тебя могут угнать, так что лучше жить в новой семье. Если все получится, ты сможешь передавать родным продукты...

– Ничего не получится.

– Многие так делают, и все нормально. А сейчас – выше нос. Эсэсовцы сразу замечают тех, кто сник.

Ханна провела рукой по лицу и расправила плечи. Хорошее начало! Она была симпатичной девушкой с веснушчатым носом.

– Возьми мои туфли. Шевелись.

– Две минуты, – считала женщина.

– О нет, я не могу.

– Ты должна. Эти ботинки тебя сразу выдадут. Давай поменяемся.

А вдруг меня остановят? У меня настоящие документы, и папа, если что, выручит.

Ханна стянула черные чулки и поменяла на мои белые гольфы. Я надела ее ботинки, размером чуть меньше моих.

– А теперь повернись. – Я быстро-быстро заплела ее темные волосы в толстую косу. – Незамужние девушки-католички заплетают только одну косу. Знаешь «Отче наш»?

Ханна кивнула.

– Хорошо. И выучи польский национальный гимн. Они теперь часто спрашивают. Если кто предложит водку, не цеди, пей одним глотком или отказывайся.

– Пора, – вмешалась женщина.

Я оценила свою работу и осталась довольна.

На столе лежала Библия в белом переплете.

Я протянула ее Ханне:

– Красивая Библия. Только поразгибай переплет туда-сюда, как будто ты часто ее читала. А в церкви опускайся на правое колено. Вот так. И крестись... – я показала, – вот так. Нет, правой рукой. Правильно. Просто повторяй все за другими. И не жуй облатку. Она должна растаять во рту.

Ханна схватила меня за руку:

– А мне обязательно есть свинину?

– Ты скажи, что как-то сильно отравилась и теперь даже смотреть на нее не можешь...

– Спасибо, – сказала Ханна. – Жаль, мне нечего тебе дать.

– Ивона, пожалуйста, – взмолилась женщина.

– Это не важно. Главное – ничего не бойся. Твой польский не хуже, чем у поляков. И вот еще – последний штрих. – Я сняла цепочку с серебряным крестиком и надела ее Ханне на шею.

Она посмотрела вниз на крестик.

– Понимаю, тебе трудно с ним ходить, но все католички носят крестики.

Петрик бы понял.

Я подошла к двери и оглянулась на прощание. Ханна стояла с Библией в руке – типичная девушка-католичка собралась пойти на воскресную мессу.

– Пять минут прошло, – заметила женщина и предложила: – Может, тебе лучше остаться до темноты?

– Со мной все будет в порядке.

Меня ждал Петрик.

Я поднялась по лестнице, прошла через аптеку и оказалась на улице.

Как же было хорошо снова оказаться на свежем воздухе. И дело я сделала.

«Не буду-ка я пока выпрашивать себе задания», – думала я на пути в кинотеатр.

Взглянув на часы, я поняла, что на смену придут рано. То-то босс обрадуется.

Все, чего я хотела, – это без приключений добраться до места, а там, если понадобится, Петрик всегда поможет.

Я прошла большую часть пути, но еще в Старом городе у меня возникло такое чувство, будто меня кто-то преследует. Я наклонилась, чтобы затянуть шнурок на ботинке Ханны. В рюкзаке зашуршал секретный пакет. Я мельком глянула назад. Тот самый штурмовик, которого я заметила у аптеки, разгонял группу подростков.

Видел он, как я спускалась в полуподвал или не видел?

Я отогнала прочь дурные мысли и быстро пошла дальше.

К кинотеатру я подошла за пять минут до начала моей смены.

Над входом была вывешена афиша: «Вечный жид»²⁰. С того дня, как нацисты заняли кинотеатр, все фильмы присылались из их штаба «Под часами». Поляков в кинотеатр не пускали, но мы по названию понимали, что этот фильм – нацистская пропаганда.

²⁰ Пропагандистский антисемитский фильм Третьего рейха, снятый в 1940 г.

Возле кассы уже образовалась очередь. Немцы стояли с этим особенным выражением ожидания начала сеанса на лице. Одной из новинок, которые внедрили у нас нацисты, была патриотическая музыка. Ее без конца передавали через динамики на фасаде кинотеатра. «Хорст Вессель», гимн НСДАП, погребальный марш с духовыми гремел над площадью весь вечер и даже во время сеанса. «Знамена ввысь! В шеренгах, плотно слитых, СА идут, спокойны и тверды», – пел хор немцев.

Я прошмыгнула в дверь кассы и перевела дыхание. Помещение было маленьким, размером где-то с ванную комнату. Высокий табурет и завешенное бумагой окно – вот и все.

Следили за мной?

Я включила свет и дотронулась до кассы. Прохладная и гладкая поверхность успокаивала. Надо взять себя в руки и заняться делом – рассортировать деньги, но шторы пока не поднимать.

Где мама? Пора бы ей уже принести мне еду.

У мамы был опыт работы медсестрой, и немцы заставили ее помогать в больнице Старого города.

Почему она опаздывает именно тогда, когда я умираю от голода?

Запах немецких конфет сводил с ума.

Я чуть-чуть отодвинула шторы и выглянула из будки. Меня словно током ударило. Этого просто не может быть! Штурмовик, которого я видела у аптеки мистера Зета, стоял в очереди и беседовал с двумя домохозяйками.

Как же я обрадовалась, когда Петрик ворвался в будку и сел на свое привычное место на полу под окном. Щеки у него покраснелись, и голубые глаза из-за этого казались особенно яркими. Сразу за Петриком в будку проскочила его младшая сестра Луиза. Она соскользнула по стене и устроилась рядом с братом. Они были совсем разные. У Петрика светлые глаза, у Луизы – темные. Он – серьезный, она – хохотушка. В свои пятнадцать Луиза была в два раза меньше брата.

– Как прогулялась? – спросил Петрик.

Я поправила юбку, чтобы ноги при взгляде с пола на высокий табурет смотрелись максимально выгодно.

– Очень даже хорошо, только вышла одна заминка...

Петрик дал мне понять, что при Луизе распространяться об этом не следует.

– А я вот хочу разобраться, в чем мой самый главный талант, – сообщила Луиза. – Кася, как ты думаешь?

И почему она в такой момент пристает с дурацкими вопросами?

Я снова отодвинула шторку и посмотрела на очередь – штурмовик в коричневой рубашке никуда не делся. Теперь он оживленно разговаривал с двумя мужчинами в очереди.

Обо мне?

– Луиза, не знаю, – ответила я. – Ты хорошо печешь...

– Ну это любой умеет. Вот бы узнать про какие-то свои особенности.

Я снова выглянула в окно. Что-то там было не так.

Только не паникуй!

Я отсортировала купюры и мысленно пробежалась по списку.

Ценники на конфеты поставила? Поставила. Купюры разложила по номиналу? Разложила.

Теперь, когда публика в кинотеатре в большинстве своем состояла из немцев, надо было работать очень четко. Мой начальник от страха бы уделался, если бы на меня поступила хоть одна самая мелкая жалоба.

В будку вошла Зузанна и закрыла за собой дверь.

– Кася, ты почему такая бледная? – спросила она.

– Видела в очереди штурмовика?

Зузанна забросила свою сумку в угол будки.

– Замечательно поздоровалась. Я, сестричка, на окраине обходила больных, чтобы у тебя на завтрак была парочка яиц.

Я снова отодвинула шторку. Он был там. Теперь разговаривал с молодой женщиной в очереди.

– Подозреваю, он с самого начала шел за мной. От аптеки мистера Зета. Уходите. Все. Сейчас. – Я повернулась к Петрику. – И ты с Луизой тоже. Если они застукают вас здесь со мной, нас всех заберут.

Зузанна рассмеялась:

– Насколько мне известно, мистер Зет всегда был неприкасаемым. Хотя теперь новые порядки...

Я опять выглянула в окно. Женщина, с которой разговаривал тот коричневорубашечник, закивала и показала пальцем в сторону кассы.

Я похолодела от макушки до пяток. Огромная воронка начала засасывать меня на дно.

– Он там обо мне выспрашивает. Ему рассказали, что я здесь.

Мое сердце забухало от того, что я увидела.

Мама в конце очереди. Пробирается вперед с корзинкой в руке.

Зузанна отдернула мою руку от шторки.

– С таким виноватым лицом всегда будешь виноватой.

Мне показалось, что я тону.

Мама, не надо. Прошу тебя, пока не поздно, уходи отсюда.

Глава 9

Герта

1940 год

Я вышла на станции Фюрстенберг, а Фриц опаздывал – прекрасное начало для моего первого дня в качестве медика в лагере Равенсбрюк.

Узнает ли он меня? Сомнительно. В университете вокруг него всегда вились студентки-красотки.

Пять минут в одиночестве на платформе я с удовольствием любовалась небольшим вокзалом в баварском стиле.

Смогу ли я получить ответственную должность? Появятся ли у меня друзья среди коллег?

Погода для осени была теплой, и шерстяное платье неприятно кололо тело. Мне не терпелось переодеться в легкое платье и накинуть прохладный и гладкий лабораторный халат.

Наконец появился Фриц. Он приехал на зеленом четырехместном «Кюбельвагене-82» с открытым верхом. Служебный автомобиль лагеря Равенсбрюк остановился, и Фриц положил руку на спинку пассажирского сиденья.

– Вы опоздали, – попеняла я. – У меня встреча с комендантом в пятнадцать минут одиннадцатого.

Фриц поднялся на платформу и взял мой багаж.

– Герта, даже не здороваешься? Целый год тебя не видел.

Все-таки он меня запомнил.

Фриц вел машину, а я украдкой поглядывала на него. Он по-прежнему был привлекательным, что отмечали все представительницы женского пола в университете. Высокий голубоглазый пруссак с ухоженными черными волосами. Тонкие черты лица говорили о его аристократическом происхождении. Впрочем, выглядел он усталым. Я обратила внимание на темные круги под глазами и подумала о том, насколько изматывающей может быть работа в женском исправительном лагере.

Мы съехали на Фриц-Ройтер-штрассе и поехали через небольшой городок Фюрстенберг. Ветер шевелил мои короткие волосы, и это было приятно. Вдоль улиц стояли коттеджи с крышами из дерна. Типичная старая Германия. Как сценки на шварцвальдских часах с кукушкой.

– Гиммлер, когда приезжает, а он приезжает часто, останавливается в Фюрстенберге. Знаешь, он ведь продал рейху землю под Равенсбрюк. Озолотился на этой сделке. Видишь лагерь, вон там за озером Шведтзее? Его совсем недавно построили... Герта, ты что, плачешь?

– Нет, это от ветра.

Фриц оказался наблюдательным. Трудно было сдерживать эмоции, проезжая по Фюрстенбергу, – когда я была ребенком, родители возили меня точно в такой же городок на рыбалку. Он был таким красивым и неиспорченным. Квинтэссенция Германии, то, за что мы сражались.

Я вытерла глаза – не хватало еще, чтобы комендант счел меня размазней.

– Фриц, который час? Я не могу опоздать.

Фриц выжал газ и повысил из-за рева двигателя голос:

– Кёгель, в общем-то, неплохой человек. До войны держал в Мюнхене ювелирный магазин.

Мы поехали вдоль озера, и вслед за нами несло облако пыли. Когда Фриц свернул, я оглянулась на озеро и еще раз восхитилась красотой оставшегося позади Фюрстенберга и силуэтом церкви с высоким шпилем.

– Ты будешь пользоваться успехом у врачей, – заметил Фриц. – Доктор Розенталь любит блондинок.

– Я не блондинка, – возразила я, хотя мне было приятно, что он так считает.

У меня поднялось настроение: я ехала вместе с Фрицем и у меня вот-вот должна была начаться новая полоса в жизни.

– Скоро прибудем. Чистокровная немецкая девушка здесь редкость. Славянками уже все пресытились.

– Обожаю своих сифилитиков.

Фриц улыбнулся:

– Я всего лишь вношу свой вклад в репопуляцию Германии.

– И так ты кадришь девиц?

Фриц на секунду дольше, чем требовалось, задержал на мне взгляд и этим выдал свой фривольный настрой. Я подумала о том, как мне повезло, что я одна из очень немногих женщин-докторов рейха. Это давало мне особый статус. Фрицу Фишеру не пришло бы в голову подобным образом флиртовать с какой-нибудь домохозяйкой из Дюссельдорфа.

Пожалуй, стоит отрастить волосы. Он точно будет сражен, если я стану самым квалифицированным врачом в лагере.

Мы проехали мимо группы исхудалых женщин в полосатых платьях. У всех наблюдалась прогрессирующая стадия мышечной атрофии. Женщины всем своим жалким весом наваливались на металлические тросы и, словно больные волы, тащили за собой массивный бетонный каток. Надсмотрщица в серой форме удерживала на поводке кидающуюся на женщин овчарку.

Фриц на ходу помахал надсмотрщице, та набычилась в ответ.

– Меня здесь любят, – похвастался Фриц.

– Это заметно.

Машина затормозила в облаке пыли напротив кирпичного здания администрации, у которого закончился мой путь в лагерь. Я вышла из «вагена» и огляделась. Первое, что произвело на меня впечатление, – это качество. Газон с густой зеленой травой, вдоль фундамента здания – красные цветы. Слева на холме с видом на лагерь – четыре дома руководства, построенные в стиле «Heimatschutzstil»²¹, в наибольшей степени отвечающем отечественным традициям, с колоннами из натурального камня и фахверковыми балконами. Смешение нордического и германского начал всегда радует глаз. Это место было просто великолепным, кто-то мог бы назвать его даже престижным.

– На холме, с видом на лагерь – дом коменданта, – прокомментировал Фриц.

Если бы не высокий каменный забор с колючей проволокой поверху за зданием администрации, лагерь можно было бы принять за санаторий.

Я отчаянно хотела, чтобы мне понравился комендант Кёгель. Начальство чувствует, когда подчиненные от него не в восторге, а это, соответственно, может оказаться фатальным для карьеры самого работника.

Сразу за воротами вдоль дороги стояли вольеры с обезьянами, попугаями и разными экзотическими птицами. Они были единственным элементом, который не вписывался в окружающую обстановку. Животные снижают стресс, но какой смысл содержать такую коллекцию?

– Герта, ты ждешь дворецкого? – окликнул меня с порога Фриц.

Секретарь проводила меня по паркетным полам к лестнице и дальше вверх – в кабинет коменданта. Кёгель сидел за своим столом под прямоугольным зеркалом, в котором отражалось горшечное растение высотой с человека, стоявшее в углу кабинета. Трудно было сохранить уверенность в себе, попав в такую роскошную обстановку: ковры от стены до стены,

²¹ Архитектурный стиль «Heimatschutzarchitektur» или «Heimatschutzstil» впервые появился в 1904 г. Дома строились в соответствии с местными традициями, но в их современной интерпретации. Обязательным являлось использование местных натуральных строительных материалов.

канделябры и шторы из дорогих тканей. У коменданта была даже собственная фарфоровая раковина.

Я вдруг пожалела, что не начистила туфли.

Кёгель встал, и мы обменялись нацистским приветствием.

– Доктор Оберхойзер, вы опоздали, – отчитал меня Кёгель.

Шварцвальдские часы на стене пробили половину двенадцатого. Танцующие девушки в национальных баварских костюмах под мелодию «Счастливым путник»²² выплыли из арки, чем торжественно отметили мое появление в кабинете Кёгеля.

– Доктор Фишер... – начала я.

– Вы всегда вините других в своих промахах?

– Господин комендант, прошу прощения за опоздание.

Кёгель скрестил руки на груди:

– Как прошло ваше путешествие?

Он был массивным мужчиной, мне такие не нравятся, но я постаралась улыбнуться.

Из кабинета Кёгеля открывался панорамный вид на лагерь, а окна выходили непосредственно на широкий плац, где в тот момент в шеренгах по пять человек стояли по стойке смирно заключенные. Дорога, посыпанная черным шлаком, делила лагерь пополам. Шлак блестел на солнце. Перпендикулярно дороге к самому горизонту уходили аккуратные ряды барачков. А вдоль дороги через равные интервалы были высажены чудесные молодые липы, воспеваемые в немецком фольклоре как «деревья влюбленных».

– Господин комендант, путешествие было весьма комфортным, – ответила я, приложив все силы, чтобы скрыть свой рейнский акцент. – Благодарю за билет в вагон первого класса.

– Комфорт имеет для вас значение? – поинтересовался Кёгель.

У него была довольно суровая внешность, короткие ноги и желчный характер. Возможно, его раздражительный нрав частично был следствием жесткого воротничка коричневой форменной рубашки и галстука. Они настолько туго стягивали его толстую шею, что жировые ткани вокруг стали похожи на шарф. Из-за постоянного трения на шее появилось множество папиллом, которые бахромой спускались на воротничок. Грудь коменданта украшали медали в несколько рядов. В любом случае он был патриотом.

– Вообще-то, нет, господин комендант. Я...

Кёгель махнул рукой:

– Боюсь, произошла ошибка. Мы не сможем принять вас.

– Но я получила письмо из Берлина...

– Вы будете единственной женщиной-врачом в лагере. Из-за этого возникнут проблемы.

– Я не думаю...

– Доктор, это трудовой лагерь. Здесь нет салонов красоты и кофеен для пустой болтовни. Как среагируют мужчины на ваше появление в офицерской столовой? Одна женщина в обществе мужчин, это определенно приведет к неприятностям.

Он бубнил, а я почти видела, как от меня уплывает мое жалованье.

Подвезет ли меня Фриц на следующий поезд на Берлин? Маме теперь снова придется работать полный день.

– Господин комендант, мне не привыкать жить скромно. – Я разжала кулаки и увидела на ладонях следы от ногтей, такие тонкие красные улыбочки. Так мне и надо. Нельзя быть такой самонадеянной. – Уверяю вас, я справлюсь с любой жизненной ситуацией. Сам фюрер говорит, что жить надо просто.

Кёгель оценивающе посмотрел на мою короткую стрижку.

²² «Der fröhliche Wanderer» – немецкая песня, популярная в 1960-х годах и ошибочно считающаяся народной. Первоначальный текст был написан Флоренцем Фридрихом Сигизмундом (1788–1857).

Смягчился?

– Вы дерматолог? Нам здесь дерматологи не нужны.

– Я дерматолог-инфекционист.

Кёгель замер с рукой на животе.

– Понятно, – протянул он, немного подумав, и повернулся к окну. – Что ж, доктор, наша работа в лагере носит закрытый характер.

Пока он говорил, мое внимание привлёк доносившийся снизу звук ударов кнутом. Надсмотрщица стегала одну из построенных на плацу заключённых.

– Мы требуем соблюдения полной секретности. Вы готовы подписать акт? Вы никому не можете рассказывать о своей работе. Даже матери или подругам.

Тут волноваться не о чем, подруг у меня нет.

– Одно нарушение секретности – и ваша семья окажется в тюрьме, а вас, скорее всего, приговорят к высшей мере наказания.

– Господин комендант, я умею держать язык за зубами.

– Эта работа, э-э, не для брезгливых. Наша медицинская структура находится, мягко говоря, в ужасающем состоянии. – Кёгель не обращал внимания на то, что происходило внизу. Заключённая упала на землю и закрыла голову руками, а надсмотрщица принялась стегать ее еще сильнее. Вторая надсмотрщица с трудом удерживала овчарку, которая, оскалившись, рвалась к упавшей заключённой. – Что ж, Берлин будет доволен.

– Господин комендант, какой будет моя роль в перевоспитании заключённых?

Надсмотрщица на плацу ударила лежащую заключённую ногой в живот. Та закричала. Такое трудно было не услышать. Жестокая форма перевоспитания.

– Вы войдете в элитную группу. Будете с лучшими врачами Германии оказывать медицинскую помощь персоналу лагеря, их семьям и женщинам, которых переместили сюда, чтобы они трудились на благо фюрера. Кроме того, доктор Гебхардт работает у нас над несколькими проектами.

На плацу надсмотрщица убрала свой кнут, а две заключённые оттащили окровавленную товарку в сторону, пока другие продолжали стоять по стойке смирно.

– После трех месяцев обучения прошение об отставке не принимается ни под какими предложениями.

– Понимаю, господин комендант.

Кёгель вернулся к столу.

– Жить будете в одном доме с Доротеей Бинц. Это наша старшая надзирательница. Парикмахерская у нас не высшего класса, но вполне приличная. Находится на первом этаже. Там работают наши «Исследовательницы Библии». Свидетельницы Иеговы. Они посвятили себя тому, чтобы превратить мою жизнь в ад, но ножницы им можно доверить.

– Буду иметь это в виду, господин комендант, – ответила я и, отдав салют, вышла из кабинета.

Я была рада, что Кёгель смягчился, но в то же время не была уверена в том, что хочу остаться в Равенсбрюке. У меня в душе поселилась какая-то смутная тревога.

Может, лучше вернуться на станцию и поехать домой? Если понадобится, я и на трех работах могу работать.

Новый коттедж для надзирательниц выстроили всего в нескольких шагах от ворот лагеря. Комната меня просто сразила. По площади она оказалась больше, чем вся наша квартира в Дюссельдорфе. Широкая кровать застелена стеганным пуховым одеялом, рядом – туалетный столик. Косметикой, согласно правилам, пользоваться нельзя, но столик вполне сойдет за письменный. А в общей ванной комнате, кроме купели, был еще и душ. Но самое главное – в котте-

уже имелось центральное отопление. Чистая, обставленная новой мебелью комната с личным балконом. Мама бы только головой покачала, увидев, какое мне выделили жилье.

На обед я прошла в главный лагерь через служебный вход. В небольшой офицерской столовой было очень шумно. В это время там собрались врачи и охранники, включая многих из пятидесяти докторов СС, которых перевели в Равенсбрюк. Все – мужчины. На обед подали жареную свинину, картофель с маслом и говядину разных видов. Я надеялась завести знакомство с лучшими медиками Германии, о которых упомянул Кёгель. Хотя так как соотношение мужчин и женщин в составе врачей равнялось сорок девять к одному, то торопиться в этом смысле мне было некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.